

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2012

№ 1

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) – председатель

О.И. Блинова (Томск) – зам. председателя

Д.А. Катунин (Томск) – отв. секретарь

Н.Д. Голев (Кемерово)

А.Д. Жакупова (Кокчетав)

Е.В. Иванцова (Томск)

В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

О.В. Фельде (Красноярск)

Л.И. Шелепова (Барнаул)

Е.А. Юрина (Томск)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....	5
------------------	---

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь.....	6
Иванцова Е.В. Методологические проблемы создания словаря языковой личности.....	27

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа как фрагмент энциклопедии речевых жанров.....	52
Михайлова О.С. К вопросу о составлении мотивационного поэтического словаря.....	62
Мокиенко В.М. Принципы ларинской лексикографии в трехтомном большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка	70

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков как источник лингвокультурной информации	85
Самотик Л.Г. «Чуждое» и «чужое» в толковых словарях русского языка.....	95

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Блинова О.И., Демешкина Т.А. Томская лексикографическая школа начала XXI в. (2002–2012 гг.).....	104
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	110
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	111

CONTENTS

To the Reader	5
----------------------------	---

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Blinova O.I. Theory → Dictionary → Theory → Dictionary.....	6
Ivantsova Ye.V. Methodology issues of compiling a language personality dictionary.....	27

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Voloshina S.V. Speech genre of autobiographical story as a fragment of encyclopaedia of speech genres.....	52
Mikhaylova O.S. On compiling a motivational poetic dictionary	62
Mokienko V.M. Principles of Larin's lexicography in the three-volume <i>Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian language</i>	70

DICTIONARIES AS SOURCES OF LINGUISTIC RESEARCH

Savenko A.S. Motivological Comparative Dictionary of Russian and English as a source of linguo-cultural information	85
Samotik L.G. "Alien" and "strange" in Russian explanatory dictionaries.....	95

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Blinova O.I., Demeshkina T.A. Tomsk Lexicography School of the beginning of the 21st century (2002–2012).....	104
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	110
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	111

К ЧИТАТЕЛЯМ

С большой радостью представляю вам новый проект томских филологов – выпуск первого номера журнала «Вопросы лексикографии», призванного объединить лексикографов России и других стран. Мотивом создания подобного журнала послужило бурное развитие лексикографии, начавшееся с середины XX столетия и получившее название «лексикографический бум».

Сегодня теоретическая и практическая лексикография представляет собой одно из ведущих научных направлений в отечественной и мировой лингвистике. Результаты, полученные лексикографами, безусловно, заслуживают внимания научной (и не только!) общественности.

По замыслу редакционной коллегии, на страницах нового журнала должны найти отражение новые концепции словарей, теоретические и практические проблемы лексикографии, информация о словарных проектах. Мы планируем обсуждение источниковедческих возможностей словарей разного типа. Думаю, что не менее интересными и полезными будут публикации, содержащие информацию о научных лексикографических школах и ведущих учёных-лексикографах, рецензии, сообщения о научных мероприятиях.

Наш проект находится в самом начале своего пути, мы готовы выслушать все пожелания по его улучшению.

Надеемся, что новый журнал станет местом апробации самых смелых лексикографических идей и приглашаем к сотрудничеству коллег, представляющих различные школы и направления в области лексикографии.

С наилучшими пожеланиями,
Т.А. Демешкина,
председатель редакционной коллегии журнала
«Вопросы лексикографии»

О.И. Блинова

ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ...

На материале словарей мотивационного типа выявляется закономерность взаимосвязи и взаимоперехода теории и словаря: становление той или иной теории находит лексикографическое воплощение, которое создаёт базу для рождения новой теории и т.д. Возникает плодотворная форма научного анализа – словарь / исследование.

Ключевые слова: теория, словарь, взаимосвязь теории и словаря, мотивология, лексикографический метод, концепция.

История мирового языкознания полна свидетельств связи и взаимосвязи теоретических разработок и их лексикографического воплощения. О роли словарей для рождения тех или иных теорий коротко и ёмко сказал Бодуэн де Куртенэ: «Хорошие описательные грамматики, издания памятников и словари останутся навсегда насущною потребностью нашей науки, и без них даже самым гениальным теоретическим выводам будет недоставать фактического основания» [1. С. 265].

В настоящей статье представлена попытка определить роль двух взаимосвязанных и взаимодействующих феноменов – ТЕОРИИ и СЛОВАРЯ на материале определённого научного направления, его конкретных теоретических разработок, получивших лексикографическую реализацию. В качестве объектов анализа избраны теория мотивологии с различными её аспектами [2–4] и серия словарей мотивационного типа [5–11 и др.].

За время, прошедшее с основания мотивологии (70-е гг. XX в.), накоплена достаточная исследовательская база: опубликованные монографии, словари, статьи, учебные пособия, а также данные докторских и кандидатских диссертаций, дипломных и курсовых сочинений, число которых насчитывает более тысячи, что частично отражают библиографический справочник по мотивологии [12] и списки работ в опубликованных и рукописных источниках конца XX – начала XXI в., посвященных мотивологическим проблемам. Например, значительно дополняют библиографический справочник 2004 г.

издания, публикации Н.Д. Голева [13], А.Д. Жакуповой [4, 14], А.С. Савенко [9, 10], А.В. Шевчик (Михеевой) [15. С. 18–20] и др.

Обозначенная в названии статьи схема ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ... отражает основное направление научного процесса, который может реализоваться и по другим схемам, например: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ, СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ, ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ и т.д., что проиллюстрирует нижеследующее изложение полученных данных.

Содружество теории и лексикографии в сфере мотивологии было заложено уже на стадии её формирования, что нашло отражение в работах автора статьи 70-х гг. XX в. [16–19 и др.], в которых представлены как теоретические разработки, так и первый фрагмент толкового мотивационного словаря говоров Среднего Приобья (346 словарных статей на все буквы алфавита). Словарь дан в одном из приложений к докторской диссертации [17]. В этот начальный период была реализована схема: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ.

Второй период (конец 70-х – 80-е гг. прошлого столетия) характеризуется интенсивным развитием рассматриваемых объектов – ТЕОРИИ и СЛОВАРЯ по наиболее разветвлённой схеме: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ, позднее, в следующие периоды, дополненной.

Начало периода ознаменовалось выходом в свет двухтомного «Мотивационного диалектного словаря» (МДС) [5]. Образец его словарной статьи (в сокращении):

БАРХАТНИК, а, м. Растение медуница мягчайшая, с листьями, нижняя поверхность которых мягкая, как бархат.

ЛМ: бархат (5) и – бархатный (2), бархатистый ‘подобный бархату’ (1).

СМ: багульник (1), попушник (1), свекольник (1); медуночник (1), подорожник (1), одуванчик (1) – названия видов растений.

– Бархатник – листья, как бархат (Крив. Жук.). Бархатник полезный. Бывало, руку серпом разрежешь, сок бархатника нажмёшь... Он такой сверху зелёный, а снизу белый, бархатистый, мягкий (Туг. Сем.) [5. Т. 1. С. 27].

Концепция словаря – его состав, принципы отбора слов, структура словаря и словарной статьи, источники – была представлена за пять лет до публикации МДС [19]. В дополненном виде она опубликована во вводной части Словаря [5, Т. 1, С. 6–15]. Над созданием Словаря трудился коллектив из 18 лексикографов: Томского, Кеме-

ровского, Алтайского университетов и Томского пединститута. В конечном итоге было составлено 17 500 словарных статей, из числа которых в двухтомник вошло лишь около 2000 [12. С. 7–8]. Не вошедшие в МДС материалы хранятся в архиве Лаборатории общей и сибирской лексикографии ТГУ.

Лексикографическое исследование десятков тысяч контекстов с актуализированными мотивационными связями лексических единиц сибирских говоров не могли не дать значительного положительного эффекта: прошли апробацию в МДС ранее предложенные термины мотивологии – мотивированность как свойство лексической единицы; типы мотивированности, с разнообразными способами их выражения; мотиватор лексический и структурный как средство выражения в слове мотивировочного или классификационного признаков; мотивационная форма; мотивационное значение, занявшее своё законное место в рамках толкования мотивированного слова; виды мотивационных отношений лексических единиц и некоторые другие.

Появились новые термины, отражающие языковую реальность, – ближний и дальний мотиватор, отношения лексической, структурной и взаимной мотивации, полная и неполная актуализация мотивационных отношений, дистантная и контактная мотивация, мотивационный текст и метатекст и др.

Структура словарной статьи МДС, в которой заглавная зона представляла мотивированное слово и мотивирующие его лексические единицы, наглядно, около 2 тысяч раз, продемонстрировала рождение ещё одного онтологического понятия мотивологии, со временем получившего статус термина, – мотивационная парадигма, представляющая комплекс мотивационно связанных лексических единиц, ядро которого составляет мотивируемое слово, а периферию – мотивирующие его слова. Пример из вышеприведённой словарной статьи **бархатник**:

[20. С. 24]

Иллюстративная зона МДС представила богатый источник для развития функционального аспекта мотивологии, а статистические данные словарной статьи послужили базой для создания частотного словаря (см. об этом далее).

В систематизированном и значительно дополненном виде в этот период предстаёт теория мотивологии с рядом своих аспектов: онтологическим, динамическим, функциональным, лексикографическим, источниковедческим – в монографиях О.И. Блиновой (1984), Н.Д. Голева (1989), кандидатских диссертациях А.Н. Ростовской (1983), Т.А. Демешкиной (1984), В.Г. Наумова (1985), Н.Г. Нестеровой (1987), М.В. Курышевой (1989), а также в статьях, посвященных вышеназванным аспектам.

Развитие теории мотивологии в этот период сопровождается составлением словарей.

Так, на базе МДС был составлен и опубликован «Частотный мотивационный словарь» [21] (ЧМС) – тип словаря, отражающего количество случаев актуализации мотивационно связанных слов, компонентов мотивационных парадигм в речевом потоке.

Фрагмент ЧМС:

<i>Рыбачить</i>	260	255 (6) / 5 (2)
<i>Песня</i>	252	252 (10) / 0
<i>Мялка</i>	231	191 (9) / 40 (8)
<i>березник</i> ¹	190	51(1) / 139(12)
<i>приехать</i>	170	161(7) / 15(4)
<i>осинник</i>	170	40(4) / 130(13)
<i>молотило</i>	163	158(2) / 5(3)
<i>покос</i> ¹	157	154(7) / 5(3)
<i>кладь</i>	155	155(4) / 0
<i>рыбак</i>	144	144(4) / 0

Словарная статья ЧМС содержит: 1) заглавное слово (*рыбачить*); 2) число зарегистрированных случаев актуализации мотивационных отношений слова (260); 3) число актуализаций отношений лексической мотивации (255); 4) число актуализаций отношений структурной мотивации (5); количество лексических (6) и структурных (2) мотиваторов (они даны в круглых скобках).

На основе ЧМС выявляется: а) частота актуализации мотивационных связей слов; б) «приверженность» мотивированного слова к определённому виду мотивации – к лексической или структурной; в) мономотивация или полимотивация лексических единиц, отсюда г) явление варьирования внутренней формы слова (ВФС).

Таким образом, новый словарь, ЧМС, породил новые теоретические разработки, связанные с явлением варьирования ВФС (СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ), которое, в свою очередь, послужило базой для лексикографирования и появления концепции словаря ВФС (ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ). Этому посвящены исследования О.И. Блиновой (1987, 1994, 1997 и др.), Н.Г. Нестеровой (1997), О.В. Золотухиной (1999, 2000–2002, 2004). Первый словарь ВФС составлен на материале картотеки МДС. Рукопись словаря охватывает около 2000 словарных статей, общим объемом 50 а.л., хранится в Лаборатории общей и сибирской лексикографии ТГУ.

Наряду со словарём ВФС среднеобских говоров в этот период на основе МДС и его словарной картотеки по схеме СЛОВАРЬ → СЛОВАРЬ составлены фрагменты словарей различных говоров Средней Оби – форм субъективной оценки (Калиткина Г.В., 1989), лексических мотиваторов (Наумов В.Г., 1985), регулярных формантов (Нестерова Н.Г., 1989) – по схеме ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ, словарь ремотивированных единиц (Курышева М.В., 1989).

Третий этап в развитии мотивологии (90-е гг. XX в.) характеризуется преобладанием теоретических работ над лексикографическими, последовательно реализующих схему ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ. Это разработки онтолого-методологической направленности (Адилова А.Д., 1996; Тубалова И.В., 1995; Козлова И.Е., 1999), динамического аспекта (Михалёва Е.В., 1994), социовозрастного (Гарганеева К.В., 1999), категориального: исследование теории образности (Юрина Е.А., 1994). Из лексикографических работ этого периода следует выделить «Словарь образных слов и выражений народного говора» (1997). Концепция словаря предложена О.И. Блиновой. Образность как категория лексикологии была разработана с опорой на ключевые понятия мотивологии (мотивированность, внутренняя форма слова, мотивационные отношения слов). Безусловно, истоки теории образности ведут к МДС: в заглавной зоне его словарных статей нередко толкование мотивированных слов включает ассоциативный компонент (Моховики. Съедобные грибы с бархатистой, как мох, шляпкой) [5. Т. 1. С. 218], а иллюстративная зона

насыщена метатекстами, отражающими ассоциативность метаязыкового сознания селян Среднего Приобья (*Моховики я кушать не люблю: он как бы сверху мохом [покрыт], как он мохнатый какой* (Колп. Тип.) [5. Т. 1. С. 218].

Статус образной языковой единицы обретали те из них, которые имели двуплановую семантику (ассоциативность) и метафорический способ её выражения. Класс образных единиц представили собственно образные слова (*серебрянка* 'порода лис с серебристой шерстью'), двусловные номинации (*вороний глаз* 'травянистое растение с чёрной ягодой, похожей на глаз вороны'), языковые метафоры (*ложка* 'рыболовный снаряд дорожка'), фразеологизмы (*головушку ложить* 'погибать') и др. (О.И. Блинова, Е.А. Юрина).

Нововведение в словаре составили семантические пометы, указывающие на разряд образной единицы (собственно образное – СО, языковая метафора – ЯМ) и лингвокультурологические пометы (*олиц.* – олицетворение, *зоом.* – зооморфизм). Образец словарной статьи:

ВОЛНУШКА. СО. Съедобный гриб с волнистой шляпкой.

– Волнушки моховатые, красивые, всё больше волнами (Мох.). Волнушка, у их шляпка плоска **кака-то**, и по ней разводи́ки **каки-то** тёмны, как волны. Волнистая у ей шляпка (Мельн.). Волнушка – **кода** кольца, как волны идут (Б. Яр).

Полный набор лингвокультурологических помет, отражающих, как и пометы «олицетворение», «зооморфизм», результат уподобления обозначаемых предметов другим сферам окружающего мира: человеку – «антропоморфизм», растению – «фитоморфизм», природным объектам и явлениям – «натуроморфизм», объектам, созданным человеком, – «артефактоморфизм», пространственным параметрам – «локоморфизм», звукам – «фономорфизм», мифическому существу – «мифоморфизм», – был введён в «Словарь образных слов русского языка», выполненный на материале литературного языка [22].

В кандидатских диссертациях этого периода наряду с изложением мотивологических разработок, как правило, включается и лексикографический аспект. Так, на основе теории мотивации в социовозрастном аспекте К.В. Гарганеевой (Сотниковой) составлен фрагмент мотивационного словаря детской речи. Позднее, в 2007 г., был опубликован с привлечением дополнительных данных «Мотивационный сло-

варь детской речи» [7], охватывающий 530 словарных статей. Словарная статья в нём включает: заглавное слово; его толкование, как оно понимается ребёнком; толкование узуального лексического значения (УЗЛ), лексический мотиватор (ЛЗ), структурный мотиватор (СМ); высказывание ребёнка, а также имя и возраст ребёнка. В структуру словарной статьи была введена ВФС. Образец словарной статьи:

СЫРОЕЖКА. Тот, кто любит есть сыр.

УЛЗ: Род пластинчатых съедобных грибов.

ЛМ: есть сыр.

СМ: сладкоежка.

ВФС: МФ: СЫРОЕЖ/КА; МЗ: тот, кто ест сыр.

Я знаешь кто? Я сыроежка! Потому что сыр люблю есть (Лиля, 6 лет).

Информативные данные «Мотивационного словаря детской речи» освещены в работе [23].

Лексикографические разработки предприняты и в других исследованиях третьего периода. В приложениях к диссертации или в статьях представлены концепции и фрагменты словарей, отражающих результаты теоретических разработок. Так, в приложении к кандидатской диссертации Е.В. Михалевой дан словарь лексических единиц с лексикализованной ВФС, например *александрит, овчарка, огорошить, капуста, застрельщик* и многие другие, что подтверждено данными психолингвистических экспериментов [24]. Приложения кандидатской диссертации А.Д. Адиловой [25] содержат фрагменты двух словарей (орнитонимов и фитонимов) описательного и сопоставительного типов. Приведем образец словарной статьи первого типа (в сокращении):

ГЛУХАРЬ. Крупная лесная птица семейства тетеревиных.

ЛМ: глухой.

СМ: –

ПЯС: «от природы глухой» (10), «живёт в глухих местах» (1), «когда токует, ничего не слышит, как глухой» (5).

ВФ₁ — МФ: ГЛУХарь

МЗ: <птица, которая от природы> глухая;

ВФС₂ — МФ: ГЛУХарь

МЗ: <птица, обитающая в> глухих /местах/;

ВФС₃ — МФ: ГЛУХарь

МЗ: <птица во время токования ничего не слышит, как> глухая.

МП: глухой (ср. НП: плохо слышит)

Орн. справка: «Имя глухаря дано потому, что он водится в глухих, уединённых и крепких местах» [Аксаков, 1987. С. 346]; «Он не слышит во время песни» [Птицы Советского Союза. Т. 4. С. 84]. [25. С. 18–19].

Таким образом, мотивологические исследования третьего периода 90-х гг. XIX в. утверждались в схеме ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ, которая, как правило, носила итогово-результативный характер, что позволяло накапливать ресурсы для поиска новых сфер в поступательном развитии действующей схемы.

Мотивологические исследования XXI в., не порывая сложившейся традиции ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ, пошли по пути расширения → анализируемого материала, с одной стороны, за счёт привлечения лексических единиц другого языка (или других языков), с другой – за счёт перехода на новый языковой уровень – уровень текста, преимущественно художественного. И в обоих случаях это сопровождается сменой аспекта анализа.

Связующим с предшествующим периодом звеном стало исследование Е.В. Бельской «Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья)» (2001). Категория интенсивности, как и категория образности, чуть в меньшей мере, но также тяготеет к мотивированности: преобладающее число интенсивов среднеобских говоров является мотивированным. Для их систематизации и комплексного описания идеально подходит лексикографический метод, которым воспользовался исследователь. Е.В. Бельской составлен фрагмент мотивационного словаря интенсивной лексики говоров, позволивший разрешить ряд проблем интенсивности как лексической категории [26, 27].

Схема ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ реализована и в работах И.А. Кунгушевой, посвященных динамическому аспекту мотивологии, а именно явлению демотивации слов: описание результатов исследований представлено в её кандидатской диссертации [28] и серии статей (Кунгушева И.А., 2000, 2001, 2002, 2003), в одном из девяти приложений к диссертации помещён словарь лексических единиц литературного языка, подвергшихся демотивации.

Та же схема прослеживается в работах О.В. Золотухиной о явлении варьирования ВФС в системе диалекта [29] с той лишь разницей, что наряду с созданием фрагмента «Словаря ВФС вершининского говора»

исследователь привлекает лексикографический метод как один из инструментов получения теоретического знания [30. С. 199–205], несколько изменив схему: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ.

Видоизменяется схема и в исследованиях М.Н. Кураповой (Дроздович), в которых источником является этимологический словарь [31]: данные словарей используются для выявления истоков мотивационных процессов ремотивации, демотивации, лексикализации ВФС. Полученные результаты вновь облачаются в лексикографическую форму – фрагмент «Мотивационного диахронического словаря». В итоге схема: СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ.

Реализация ещё одной схемы: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ иллюстрируется исследованиями, выполненными в рамках проекта «Комплексная лексикографическая параметризация сибирского говора», направленного на создание разнотипных словарей (полного толкового словаря, прямого и обратного, вариантного, антонимического, образного, мотивационного и др.) с. Вершинино Томской области [32. С. 5–13]. Составленный на основе мотивологической теории и опубликованный двухтомный «Мотивационный словарь сибирского говора» [8], включающий около 5000 словарных статей, послужил базой для дальнейшего развития теории мотивации в области онтологического и функционального аспектов (они изложены О.И. Блиновой в послесловии к словарю [8. Т. 2. С. 295–308]). Одно из ярких явлений, которое отразил мотивационный словарь, – явление полисистемности как свойства мотивационного контекста, в рамках которого, актуализуясь, совмещаются разные виды системных отношений – мотивации, синонимии, антонимии, формального варьирования слова (на это впервые обратила внимание М.А. Толстова), и явление полисистемности, связанное с функциональным свойством слова, как компонента полисистемного контекста, способного выступать одновременно в качестве синонима и антонима, мотивемы и синонима, или мотивемы, формального варианта и антонима и в других вариациях. Иначе говоря, данные мотивационного словаря позволяют разграничивать полисистемность как свойство текста (на уровне текста) и как свойство лексической единицы (на уровне слова). Теоретическая и лексикографическая разработка явления полисистемности на материале вершининского говора начата М.А. Толстой. Ею опубликованы концепция полисистемного диалектного словаря и статьи о компонентах полисистемных текстов [33, 34].

Новый этап рассматриваемых работ в XXI в. представляют исследования по сопоставительной мотивологии, в русле которой выполнены кандидатские диссертации на уровне слова А.С. Филатовой (Савенко) (2004), Н.А. Чижик (2005), А.В. Шевчик (2011), докторская диссертация А.Д. Жакуповой (2009). Их объединяет возросший вес лексикографической составляющей в мотивационно-сопоставительном анализе лексики разных языков (двух и более) на материале тех или иных тематических групп.

Основное место занимает СЛОВАРЬ в исследованиях А.С. Филатовой (Савенко), посвященных наименованиям птиц и растений русского литературного языка в сопоставлении с английским языком [35, 36], которые завершаются наблюдениями и выводами лингвоисторико-лексического характера об общности и специфике орнитонимов и фитонимов русского языка с опорой на разные параметры сопоставительного анализа [10, 35]. Схема: ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ.

Эту же схему отражают исследования А.В. Шевчик (Михеевой), выполненные на материале наименований животных русского литературного языка в сопоставлении с английским [37].

Нельзя не отметить, что в работах А.С. Савенко (Филатовой), А.В. Шевчик, где представлены мотивационно-сопоставительные словари трёх крупных тематических групп русского языка, словарная статья содержит максимально возможную информацию в рамках четырёх зон: зоны заглавного слова, зоны показаний метаязыкового сознания, интерпретационной и справочной. Они вмещают толкование лексического значения сопоставляемых единиц, латинское наименование, изображение называемого предмета, метатексты, отражающие показания информантов, наличие мотивированности, схему ВФС, тип мотивированности, мотивировочный и номинационный признаки, лексические процессы, этимологическую справку и данные научно-популярной литературы. Образец словарной статьи из словаря А.В. Шевчик [37. С. 164] см. на с. 16.

Мотивационно-сопоставительный словарь такого уровня обретает статус словаря-исследования, инструмента познания языка, статус лексикографического метода, совмещающего в себе два феномена: СЛОВАРЬ И ТЕОРИЯ.

Первое десятилетие XXI в. завершается новым витком в развитии сопоставительной мотивологии: от двуязычного сопоставления к многоязычному. Такое исследование осуществлено А.Д. Жакуповой, оно представлено в докторской диссертации автора [38], в монографии [4. С. 181–224].

БРОНЕНОСЕЦ

Dasypodidae

Млекопитающее отряда неполнозубых со спиной и боками, покрытыми панцирем из окостеневших роговых щитков, лежащих подвижными поясами, обитающее преимущественно в Южной и Центральной Америке

БРОНЕНОСЕЦ	ARMADILLO
Показания МЯС: «это животное носит “броню”» (57) «у него панцирь как броня» (35) «не знаю» (8)	Показания МЯС: «the animal has armor» – у этого животного есть броня (32) «не знаю» (18)
мотивир., СО, артеф.	мотивир., СО, артеф.
МФ: БРОНЕНОС/ЕЦ	МФ: ARMADILLO
ВФС ₁ : МЗ: ‘животное, <которое как бы> носит броню’	ВФС: МЗ: ‘животное, <у которого есть как бы> броня’
ЛМ ₁ : НОСить БРОНю СМ ₁ : ленивЕЦ	ЛМ: ARMOR – броня СМ: buffaLO – буйвол
ВФС ₁ : вар., нелекс., метаф.	ВФС: невар., нелекс., метаф.
МП ₁ : носить броню	МП: иметь броню
НП ₁ : иметь роговой панцирь	НП: иметь роговой панцирь
ТМ ₁ : морфосемантический	ТМ: морфосемантический
Лексические процессы: –	Лексические процессы: –
Этимологическая справка: –	Этимологическая справка: впервые зафиксировано в XVI веке, испанское <i>armadillo</i> , уменьшительное от <i>armado</i> – вооружённый человек – от лат. <i>armātus</i> < <i>armāre</i>

Зоонимическая справка: броня у броненосцев напоминает кольчатые латы. Прикрывают они спину, бока, лапы, голову спереди и хвост сверху, на животе растут лишь волосы. // Тело броненосцев покрыто роговым панцирем, который похож на щит черепах. Верхний слой щита – роговой (это ороговетший верхний слой кожи), нижний – костяной (окостеневший нижний слой кожи). Кожаный панцирь распадается на несколько подвижных поясов, облегчающих движение животного. // Используют броню при охоте на змей: поджав ноги и прикрыв себя бронёй до самой земли, прыгают на змею и стараются, цапая острыми краями панциря, перепилить её, что почти всегда удаётся.

Фрагмент многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря А.Д. Жакуповой базируется на материале двух тематических групп – наименований птиц и растений – и охватывает пять языков: три славянских (русский, болгарский и польский) и два тюркских (казахский и татарский).

Структура словарной статьи включает те же компоненты, что и в двуязычных мотивационно-сопоставительных словарях, и дополнен переводом смыслового содержания данных психолингвистического эксперимента носителей сопоставляемых языков. Приведем в сокращении образец словарной статьи многоязычного сопоставительного словаря [4. С. 254].

[*Centaurea cyanus* L.] ‘кентаврский цветок’

ЛЗ: ‘светло-синий полевой цветок, растущий во ржи’

русский	болгарский	татарский
Василёк <u>Результаты ПЛЭ:</u> «Этот цветок назван в честь имени Василий, а почему не знаю» (57) «не знаю» (43) 57/43 МФ: ВАСИЛ/ЁК ВФС МЗ: ‘растение <как-то связано с именем> Василий’ ЛМ: <i>Василий</i> СМ: голубОК, вьюнОК ВФС: невариантная, лексикализованная, неметафорическая МП: Василий (НП-) Тип мотивированности: морфол.	Метличка <u>Результаты ПЛЭ:</u> «стъбълцата и сатънки в букетче заприливча на малка метличка» (22) <...> 40/10 МЗ: МЕТЛичИНА ВФС МЗ: ‘растение <стебли которого как> веник’ ЛМ ₁ : <i>метла</i> – веник СМ ₁ : кьпИНА, са-ДИНА <...> ВФС: вариантная, нелексикализованная, метафорическая МП: метла (НП: су-хие цветки) Тип мотивированности: морфол. * <u>перевод</u> : стебли очень тонкие, и если их собрать в букет, они похожи на маленькие веники	Кукбаш <u>Результаты ПЛЭ:</u> «зэнгәр чәчәкләр үсемлер» (65) «күкшикелле зэнгәр башлы гол» (35) 100/0 МФ: КУКбаш ВФС ₁ МЗ: ‘<растение с> синими цветками’ ЛМ ₁ : КУК – синий МФ: КУКБАШ ВФС ₂ МЗ: ‘<растение с голубой, как> небо голвкой’ ЛМ ₂ : КУК – небо <i>баш</i> – голова ВФС: вариантная, нелексикализованная ВФС ₁ неметафорическая ВФС ₂ метафорическая МП: кук; кукбаш (НП: синие цветы) Тип мотивированности: морфол.

Фрагмент «Многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов» [38] с данными пяти языков – первый словарь такого типа, результат огромного, кропотливого, уникального труда, свидетельство широких возможностей лексикографического метода.

Мотивационно-сопоставительные работы, выполненные на уровне слова, сменились мотивационно-сопоставительными (реже – вне сопоставления) исследованиями на уровне текста: художественного, фольклорного, народно-разговорного. Основная единица их анализа – мотивационно связанные слова: мотивационные пары, мотивационные сцепки, мотивационные блоки. Цель анализа – выявление функционального спектра мотивации в тексте с использованием приёма сопоставления. С предшествующими работами эти исследования объединяют языковые единицы (слова и сочетания слов), цель изучения (определение общности и специфики текста), приём сопоставления.

На материале художественной речи мотивационно-функциональный анализ был произведён Л.В. Дубиной (поэзия О. Мандельштама, П. Антокольского, Б. Пастернака) в их оригинальном творчестве и в переводах [39], Е.Ю. Погудиной (Сыпало) (поэзия и проза М. Цветаевой [40], О.С. Михайловой (оригинальная поэзия и переводы Е. Евтушенко в сопоставлении с поэтическим творчеством Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского [41]). В итоге были получены новые теоретические данные не только в области функциональной мотивологии, но и в сфере общей стилистики художественной речи, в которой в качестве объекта анализа не привлекались мотивационно связанные слова.

Характер исследуемых проблем: проблема функций мотивационных отношений в художественных текстах, их общности и специфики в творчестве сопоставляемых поэтов с учётом их оригинальных и переводных произведений, проблема идиостиля художников слова – не предполагал потребности в словарной обработке.

И тем не менее возникла и реализована идея составления функционально-мотивационного словаря языка писателя [42. С. 37–39; 2, С. 231–233], которая получила воплощение пока в единичных попытках лексикографирования функции мотивационно связанных слов и цепочек в отдельных стихотворениях (например, «Семь холмов, как семь колоколов...» М. Цветаевой [3.

С. 224–226], «Левитану...» Н. Рубцова [43. С. 37–38]) или в цикле стихотворений с целью выявления функциональной специфики одной и той же мотивационной цепочки у разных поэтов (цепочки с исходным *колокол* в стихах М. Цветаевой, Н. Рубцова, О. Мандельштама, Е. Евтушенко) [44. С. 94–96]. Ниже приведен образец словарной статьи стихотворения Н. Рубцова «Левитану» (по мотивам картины «Вечерний звон»).

...Уже само название стихотворения предполагает использование в нём звучащих слов; они представлены в составе двух мотивационных сцепок:

колокол – колокольный – колоколец – колокольчиковый и звон – звонить (повторяемых неоднократно), которые образуют мотивационный блок не только общностью звучащей семантики, но и посредством реализуемого приема объединения мотивационных сцепок в единых словосочетаниях: звон колокольный и колокольчиковый звон, эффектно воплощающих собой редкую фигуру речи – хиазм:

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
собор звонит в колокола!
Звон заокольный и окольный
У окон, около колонн, –
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

Насыщенная звоном мажорная звуковая палитра стихотворения создаётся не только за счет формы и семантики глагольного *звонить* и отглагольного *звон*, но и за счет звукоподражательного ряда «колокольно-колокольчиковых» слов, а также посредством колокольного звона, «спрятанного» в словах заоКОЛЬный, оКОЛЬный, оКОЛо, КОЛонн, что в целом имитирует в стихотворных строках 17 (!) ударов колокола.

Колокольный звон Николая Рубцова – это не звон колоколов златоглавой столицы, воспетой Мариной Цветаевой в ее цикле «Стихи о Москве». Колокола поэта звонят не дворцам, а бревенчатым лачугам, сельским околицам, полям, вначале нарушая их тишину и безмолвие, а затем вызывая ответный звон «колокольчикового луга», олицетворяющего природу, певцом которой был Левитан.

Голос природы, звучащей многоголосьем каждого колокольчика, – такой же мощный источник «радостей и сил» для поэта, как и звон соборных колоколов:

И колокольцем каждым в душу
 До новых радостей и сил
 Твои луга звонят не глуше
 Колоколов твоей Руси...

Соборный колокол – творение Человека и «колокольчиковый луг» – творение Природы являют собой единение как обобщенный символ России.

Функции: эстетическая, выражение основного художественного смысла стихотворения, ключевые слова, символическая, создание звуковой картины.

Приемы: звукописи, объединение мотивационных сцепок, хиазм [44].

Единичный опыт лексикографирования функциональной сферы мотивации в фольклорном тексте представляет рукописное дипломное сочинение К.И. Комаровой, посвященное Мотивационному словарю «Пословиц русского народа» В.И. Даля. Концепция словаря и образцы словарных статей предложены в работе [45]. Приведем одну из словарных статей:

I. МЕТЛА, МЕСТИ

Новая метла хлестко* метет.

*Резко, быстро, сильно (Даль).

‘Новый начальник устанавливает свои жесткие порядки’

II. Иносказательным ядром пословицы являются слова *метла*, *мести*, объединенные лексической мотивационной связью. Иносказание образуется за счет символизации компонентов мотивационной пары: *метла* ‘начальник’, *мести* ‘наводить порядки’. Использование мотивационно связанных слов повышает как смысловую нагрузку изречения, так и эмоционально-оценочную (появление негативной оценки). Помимо информативной, мотивационная пара выполняет и экспрессивно-эстетическую функцию. При помощи ритмической организации, которая образуется при помощи мотиватов, пословица делится на две части, характеризующиеся одинаковым количеством ударных слогов (2: 2). Мотивационно связанные слова оканчивают каждую из частей пословицы, выражая прием эпифоры, способствующей дополнительному выделению иносказательного смысла изречения.

III. Функции: иносказательная, информативная, ключевых слов, экспрессивно-эстетическая.

Приёмы: символизации, ритмизации, эпифоры.

Итак, мотивологический анализ функциональной направленности может завершаться словарём, подтверждая схему ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ.

Мотивологическое исследование функционального аспекта на материале диалектной речи, начатое в предыдущие периоды В.Г. Наумовым [46], О.И. Блиновой (1974, 1990, 1998 и др.), Г.В. Калиткиной (1990, 1998), Е.В. Бельской (1998, 2000), продолжено Е.В. Найдёной с опорой на стилевую дифференциацию диалектов Среднего Приобья в рамках обиходно-бытового и народно-поэтического стилей [47]. Ею значительно дополнены представления о функциях мотивационно связанных слов в разных стилях диалектной группировки.

Опубликованный в 2010 г. двухтомный мотивационный словарь одного из говоров Средней Оби [8] существенно расширил текстовый мотивационный фонд, что позволило не только увеличить иллюстративный пласт для функционального анализа мотивации, но и выявить новые функции [8. С. 299–306].

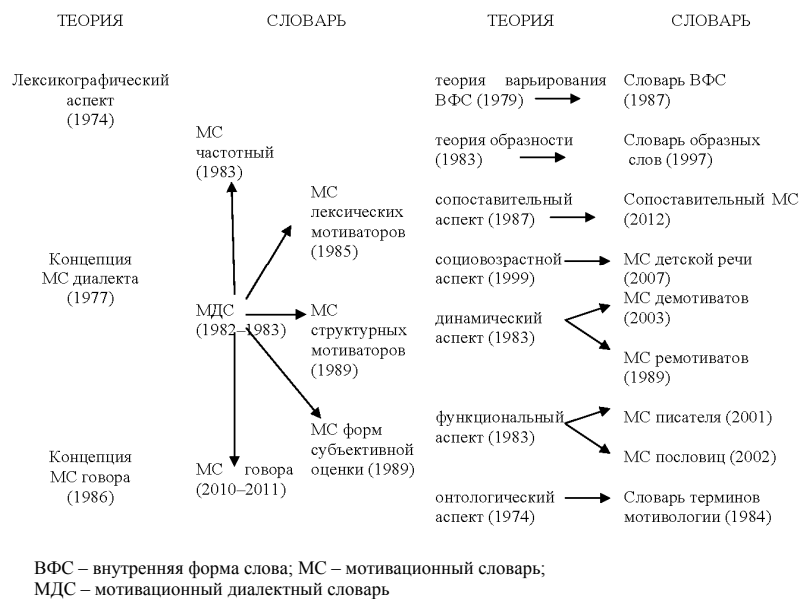

Рис. 1

И наконец, последнее. Рассматриваемые феномены в исследовательской сфере мотивологии в рамках различных её аспектов – онтологического, динамического, функционального, социовозрастного, лексикографического – продемонстрировали взаимосвязь теории и словаря, то же самое наблюдаем в терминосфере, представляющей онтологический аспект мотивологии: все научные понятия мотивологии, существующие разрозненно, систематизированы в «СЛОВАРЕ терминов мотивологической ТЕОРИИ» [11. С. 13–59]. Взаимосвязь ТЕОРИИ и СЛОВАРЯ отражает схема (рис. 1).

Научная плодотворность содружества ТЕОРИИ и СЛОВАРЯ более чем очевидна: «выигрывают» и ТЕОРИЯ и СЛОВАРЬ. Их взаимосвязь и взаимодействие повышают теоретический уровень исследований благодаря использованию огромного материала, предварительно прошедшего лексикографическую обработку, нередко полисистемную. Повышается уровень и лексикографических работ, вбирающих в себя результаты теоретических разработок, что выражается в создании новых типов словарей (это продемонстрировано в предшествующем изложении), в совершенствовании уже известных словарей за счет их пополнения новыми параметрами. Такой пример представляют мотивационно-сопоставительные словари, словари образных единиц. Первые расширяют характеристики лексикографических единиц (например, за счет введения в словарную статью результатов психолингвистического эксперимента, данных словарей, разного рода справочных материалов (орнитологическая справка, фитонимическая, зоонимическая справка), мотивологических параметров – мотивировочный и номинационный признаки, тип ВФС и т.д. – для словарных статей двуязычных и многоязычных мотивационных словарей. В структуру словарной статьи образных словарей введены пометы, указывающие на разряд образной единицы, затем пометы лингвокультурологические.

В итоге взаимосвязи мотивологической ТЕОРИИ и мотивационного СЛОВАРЯ возникает новый жанр научной продукции – словарь-исследование, лаконично и ёмко представляющий новую лингвистическую информацию, интерес к которой в последние годы начали проявлять центральные и зарубежные издательства, публикуя мотивологические монографии – А.Д. Жакуповой «Сопоставительная мотивология: методы и аспекты» (Кокшетау: Келлешек, 2009), О.И. Блиновой «Явление мотивации слов: Лексикологический

аспект» (2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2010; 3-е изд. М.: URSS, 2011), «Мотивология и её аспекты» (3-е изд., испр. и доп. М.: КРА-САНД, 2010), Н.А. Тихоновой «Мотивологическое исследование наименования предметов быта и одежды на материале русского и немецкого языков» (Saarbrücken: LAP (Lambert Academic, Publishing GmbH & Co), 2011) и мотивационные словари – А.С. Савенко: «Мотивационный словарь русского и английского языков: Фитонимы» (М.: URSS, 2012), «Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы» (М.: ЛЕНАНД, 2012).

Условные сокращения

антроп. – антропоморфизм	натур. – натуроморфизм
артеф. – артефактоморфизм	НП – номинационный признак
ВФС – внутренняя форма слова	олиц. – олицетворение
зоом. – зооморфизм	орн. – орнитоним
ЛЗ – лексическое значение	СМ – структурный мотиватор
ЛМ – лексический мотиватор	СО – собственно образное слово
МДС – мотивационный диалектный словарь	УЛЗ – узуальное лексическое значение
МЗ – мотивационное значение	фитом. – фитоморфизм
мифом. – мифоморфизм	фоном. – фonomорфизм
локом. – локоморфизм	ЧМС – Частотный мотивационный словарь
МП – мотивировочный признак	ЯМ – языковая метафора
МФ – мотивационная форма	

Литература

1. Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Ч. 1. – С. 263–283.
2. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. – Томск, 1984; 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – 208 с.
3. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. – Томск, 2007; 3-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – 304 с.
4. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. – Кокшетау, 2009. – 264 с.
5. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / ред. О.И. Блинова; авт.-сост. В.В. Палагина, М.Н. Янценецкая и др. – Томск, 1982. – Т. 1; 1983. – Т. 2.
6. Блинова О.И. Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья // Мотивационный диалектный словарь... – Томск, 1983. – С. 321–353.
7. Гарганеева К.В. Мотивационный словарь детской речи / ред. О.И. Блинова. – Томск, 2007. – 120 с.

8. Блинова О.И., Сыпченко С.В. Мотивационный словарь сибирского говора. Томск, 2010. – Т. 1. – 372 с.; Т. 2. – 310 с.
9. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: (Орнитонимы). – М., 2012. – 208 с.
10. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: (Фитонимы). – М., 2012. – 200 с.
11. Блинова О.И. Словарь терминов мотивологии // Блинова О.И. Русская мотивология. – Томск, 2005. – 68 с.
12. Мотивология: Библиографический указатель / сост. О.И. Блинова, А.С. Филатова. – Томск, 2004. – 78 с.
13. Основные научные труды Н.Д. Голева // Антропотекст-1: сб. ст. – Томск, 2006. – С. 356–367.
14. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских и тюркских языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2009. – 45 с.
15. Шевчик (Михеева) А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011. – 20 с.
16. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики народных говоров: Дialectная лексика. 1971. – Л., 1972. – С. 92–104.
17. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 1974. – 465 с.
18. Блинова О.И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. – Омск, 1976. – Вып. 2. – С. 3–17.
19. Блинова О.И. О мотивационном слове диалекта // Вопросы лексикологии. – Новосибирск, 1977. – С. 96–103.
20. Блинова О.И. Уровни, аспекты и методы типологического исследования лексических явлений // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы междунар. конф. «21-е Дульзоновские чтения». – Ч. 1. Уфа; Томск, 1999. – С. 22–28.
21. Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья / авт.-сост. О.И. Блинова // Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья. – Томск, 1983. – С. 321–353.
22. Словарь образных слов русского языка / авт.-сост. О.И. Блинова, Е.А. Юрина. – Томск, 2007. – 364 с.
23. Гарганеева К.В. Информационные возможности мотивационного словаря детской речи // V Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: Материалы междууз. науч. конф. – Челябинск, 2000. – Ч. 1. – С. 35–42.
24. Михалёва Е.В. Лексикализация внутренней формы слова и экспрессивность // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. – Томск, 1996. – Ч. 2. – С. 42–45.
25. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – 19 с.
26. Бельская Е.В. Опыт лексикографического описания интенсивной лексики диалекта // Изв. Том. политехн. ун-та. – 2003. – Т. 306, № 3. – С. 156–161.

27. Бельская Е.В. О принципах и способах толкования интенсивных лексических единиц в областном словаре // Актуальные проблемы русистики: Материалы междунар. науч. конф. – Томск, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – С. 45–52.
28. Кунгушева И.А. Явление демотивации слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003.
29. Золотухина О.В. Явление варьирования внутренней формы слова в системе диалекта: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004.
30. Золотухина О.В. По страницам словаря внутренних форм слова // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований. – Челябинск, 2000. – Ч. 2. – С. 199–206.
31. Курапова М.Н. Источниковедческий аспект мотивологии (на материале этимологических словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2002.
32. Блинова О.И. Комплексная лексикографическая параметризация сибирского говора: итоги и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. – № 1 (13). – С. 5–13.
33. Толстова М.А. Взаимосвязь компонентов лексических явлений антонимии и мотивации в системе диалекта // Язык, литература и культура в региональном пространстве. – Вып. 2. – Барнаул, 2011. – С. 29–33.
34. Толстова М.А. Концепция полисистемного словаря // Русская речевая культура и текст: Материалы VI Междунар. науч. конф., 25–27 марта 2010 г. – Томск, 2010. – С. 344–350.
35. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004.
36. Савенко А.С. Роль внутренней формы слова в создании фрагмента языковой картины мира (на материале наименований растений русского и английского языков) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 33–38.
37. Шевчик А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011. – Гл. 3. – С. 114–179.
38. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских и тюркских языков): дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 2009. – 412 с.
39. Дубина Л.В. Функции мотивационно-связанных слов в поэтическом тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 19 с.
40. Погудина Е.Ю. Функционально-мотивологическое исследование поэзии и прозы М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 22 с.
41. Михайлова О.С. Идиостиль Е.А. Евтушенко в аспекте теории мотивологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2007. – 19 с.
42. Блинова О.И. Мотивационный словарь языка писателя // Проблемы русистики: Материалы Всерос. науч. конф. – Томск, 2001. – С. 37–39.
43. Блинова О.И. Мотивология как средство создания индивидуально-авторского стиля (на материале поэзии Н. Рубцова // Художественный текст и языковая личность: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2001. – С. 37–38.
44. Блинова О.И. О чём звонят колокола: (Стилистические этюды) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 1999. – Т. 268. С. 94–96.
45. Блинова О.И., Комарова К.И. Проект Мотивационного словаря «Пословиц русского народа» В.И. Даля // XXIII Дульзоновские чтения: Сравнительно-

историческое и этимологическое изучение языков и культур: Материалы междунар. конф., 25–27 июня 2002 г. – Томск, 2002. – Ч. 1. – С. 12–14.

46. *Наумов В.Г.* Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985.

47. *Найдён Е.В.* Функции мотивационно связанных слов в народно-разговорной речи (на диалектном материале): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001.

Е.В. Иванцова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье освещаются проблемы составления словаря нового типа – словаря реальной языковой личности, актуальные в свете развития антропоцентрической парадигмы языкознания и востребованности лексикографического метода исследования языка. Основные проблемы, к числу которых автором отнесены 1) получение речевого материала, необходимого и достаточного для адекватного отражения идиолектного дискурса, 2) выработка концепции словаря, 3) интерпретация речевого материала в свете выработанной концепции, и пути их решения рассмотрены на примере создания «Полного словаря диалектной языковой личности» – проекта, завершенного лексикографами Томской диалектологической школы.

Ключевые слова: словарь, языковая личность, лексикография.

Лексикографический метод исследования языковых феноменов один из самых востребованных в современной лингвистике. Активно применяется он в молодой, формирующейся на рубеже XX–XXI вв. области лингвоперсонологии.

Интенсивно развивается так называемая авторская лексикография, ежегодно появляются новые словари языка писателей – А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Ф.М. Достоевского, М.И. Цветаевой, В.М. Шукшина, В. Высоцкого, И. Бродского и т.д. Публикуются словарные материалы, отражающие особенности речи отдельных политиков – от В.И. Ленина до А. Лебеда. Несколько десятилетий назад отечественная лексикография подошла к описанию языка рядовых индивидов. Оно начато диалектологами, создавшими первые словари диалектных языковых личностей на основе записей их устной речи [1–3] и писем [4]. Пермскими исследователями еще в 60-е гг. XX в. была выдвинута идея создания полного идиолектного словаря, однако пока она только начинает воплощаться в жизнь [5].

Очевидно, что это только начало нового периода в теории и практике нашей лексикографии. Развитие и антропоцентрически ориентированной лингвистики наших дней в целом и теории языковой личности (ЯЛ) в частности ставит на повестку дня всестороннее изучение конкретных носителей языка, в особенности наших совре-

менников – представителей разных социальных страт общества, различных типов речевой культуры, владеющих той или иной формой национального языка. Уже изучаются реальные языковые личности вузовских педагогов (Г.Г. Инфантова, С.В. Куприна, Т.В. Кочеткова, В.Я. Парсамова), известных ученых (В.В. Дружинина, Т.В. Романова, И.А. Федорченко), телеведущих (Г.Н. Беспмятнова, М.А. Канчер), политиков (В.Н. Базылев, Е.В. Дарьина, А.Ю. Мордовин, Т.Б. Соколовская), переводчиков (О.Н. Шевченко), эмигрантов (Е.А. Земская, С.Е. Никитина, Е.А. Оглезнева), школьников (Н.В. Аниськина), диалектоносителей (Л.Г. Гынгазова, О.А. Казакова, Е.В. Иванцова, В.А. Малышева, И.И. Русинова), носителей городского просторечия (Е.В. Соломина, В.Д. Черняк) и многие другие. В ближайшей перспективе можно прогнозировать появление новых идиолектных словарей различных типов.

В Томской диалектологической школе завершается осуществление многолетнего проекта по созданию «Полного словаря диалектной языковой личности» [6]. Записи речи информанта систематически велись с 1981 г. В 1994 г. было начато создание картотеки, в 1996 г. диалектологи приступили к написанию словарных статей. Последний, четвертый том словаря сдан в печать в конце 2011 г. Пройденная тридцатилетняя дистанция позволяет осмыслить вопросы, встающие перед составителями полного словаря личности, и осветить накопленный опыт, который может быть востребован лексикографами.

Главными проблемами при создании словаря личности являются:

- получение речевого материала, необходимого и достаточного для адекватного отражения идиолектного дискурса;
- выработка концепции словаря;
- интерпретация речевого материала в свете выработанной концепции.

Все эти взаимосвязанные задачи должны работать на единую цель – представление сущностных характеристик избранной ЯЛ.

I. Сбор материала

При обращении к реальной ЯЛ перед лексикографами всегда остро стоит проблема полноты речевого материала. Самым доступным для исследователей является материал письменной речи, в первую очередь художественной. Закономерным следствием этого в лексикографической практике стало преобладание словарей языка

писателей, источником которых служит опубликованная беллетристика (иногда в сочетании с публицистическими и эпистолярными текстами). Вся сфера устной речи, составляющая основу дискурса любого носителя языка, остается в данном случае закрытой для наблюдения. Если в отношении исторической ЯЛ это ограничение неизбежно, то при словарном описании современной ЯЛ, как представляется, оно должно быть преодолено. Необходимость отражения всех освоенных личностью форм бытования языка требует привлечения как письменных текстов, созданных индивидом, так и записей устной спонтанной речи в естественных условиях общения. Последняя задача наиболее сложна и трудоемка, предполагает выработку особых методик сбора материала.

Опыт томских диалектологов показал, что наиболее эффективным является метод включения в языковое существование говорящего, подразумевающий: 1) непосредственное неформальное общение исследователей с информантом (взаимное знакомство с биографией, образом жизни, интересами, кругом знакомых и родственников; укрепление связей в процессе общей трудовой деятельности и / или отдыха; приоритет личностного общения над прагматическими целями сбора языкового материала); 2) создание комфортной для ЯЛ обстановки в период записей (доверительные отношения информанта и собирателей; учет индивидуальных особенностей личности, ее характера, взглядов и поведенческих норм; отвлечение внимания от технических средств записи); 3) установка на преимущественную фиксацию непринужденной речи (сведение к минимуму элементов опроса, невмешательство в общение ЯЛ с постоянными партнерами по коммуникации); 4) систематическое долговременное наблюдение.

Данный метод позволяет накапливать не только речевой материал, но и сведения об изучаемой личности в целом – ее биографии, мировоззрении, характере общения с окружающими, поступках и др., составляя впечатление об анализируемом объекте в единстве его языковой и внеязыковой ипостасей. Он дает возможность изучить реальную «жизнь человека в языке», что обеспечивает высокую степень достоверности выводов. К достоинствам метода следует отнести и универсальность его употребления по отношению ко всем типам современных ЯЛ разного возраста, пола, социального статуса и типа речевой культуры, к недостаткам – трудоемкость использования.

II. Разработка концепции словаря

1. Выбор типа словаря

В лексикографической практике наших дней представлены идиолектные словари разных типов. Самыми распространенными среди них являются дифференциальные – включающие отдельные классы лексико-фразеологических единиц в соответствии с задачами словарного описания. В составе дифференциальных идиолектных словарей имеются толковые (объяснительные), словари выразительных средств текста, экспрессивов, фразеологизмов и новообразований; создаются также синонимические, идеографические, частотные словари (чаще отдельных произведений) и др. Дифференциальные толковые источники дают общую (хотя и неполную) картину лексикона ЯЛ, остальные более детально описывают отдельные языковые явления идиолекта. При наличии собранного в значительном объеме материала возможен синтез этих подходов для того, чтобы отразить разносторонние характеристики идиолектного лексикона. Решение такой лексикографической задачи целесообразно осуществлять, на наш взгляд, в два этапа: 1) создание базового толкового словаря недифференциального типа; 2) составление серии аспектных словарей. Аспектные словари могут быть как подготовительным этапом к словарю общего типа, так и создаваться уже на его основе. Комплексное лексикографическое описание идиолексикона через систему разнотипных словарей уже начинает воплощаться в жизнь в ряде исследовательских проектов¹. Феномен ЯЛ сибирского старожила представлен в базовом «Полном словаре диалектной языковой личности», опубликованном идиолектном словаре сравнений [9] и планируемых к изданию ономастиконе, словаре прецедентных текстов (пословиц, поговорок, присказок), идеографическом и частотном словарях.

2. Определение состава словника

При создании толкового недифференциального словаря проблема отбора языковых единиц фактически снимается, поскольку глав-

¹ В осуществляемом под руководством Ю.Н. Караулова лексикографическом описании ЯЛ Ф.М. Достоевского планируется издание частотного и грамматического словаря, словарей антропонимов, топонимов, фразеологизмов, афоризмов, прецедентных текстов и др. [7. С. XXX–XXXIV]; лексикографирование идиолекта В. Высоцкого предполагает кроме толкового словарь отдельных текстов, эпитетов, сравнений, новых слов, фразеологических единиц [8].

ная задача лексикографов – как можно более полное отражение составляющих идиолекта. В корпус «Полного словаря...» на равных правах вошла вся нарицательная лексика и фразеология (последняя традиционно отражается в толковых словарях наряду с лексическими единицами), зафиксированная в дискурсе информанта, – общерусская и территориально ограниченная, нейтральная и экспрессивная, новая и устаревающая, узусальная и окказиональная, относящаяся к ядру и периферии лексикона ЯЛ. В связи с ненормативным характером словаря составители сочли необходимым и отражение низкочастотной, но все же встречающейся у данной личности грубой бранной лексики. Редактору близка позиция В.И. Даля, утверждавшего, что «... словарник не узаконитель, а раб языка; что есть, то он обязан собрать, и не может выкидывать того, что ему не нравится» [10. С. 592–593].

Некоторым отклонением от принципов формирования словника стало исключение из него встречающихся в речевой практике информанта оговорок. Они не вошли в корпус словаря в связи со случайным характером их порождения и оперативной коррекцией подобных образований в речи информанта (*Шура присла'ла – хоро'ша [селёдка], от таки' селёдишки... селёдишши, копчёны; Кусок в ру'бы... в зубы, помидорки возьму, яичко... И молока возьму бутылочку...; Лёня взялся коров пасти, и Лёня Овсянников – два Алексея взя'лись, обо'е пьяницы. Тот сразу, мале'нько попо'с и... попас и бросил* и т.п.). Не включенные в словник имена собственные предполагаются отразить в дополняющем базовый общий словарь аспектном издании.

3. Определение структуры словарной статьи

При разработке принципов словаря ЯЛ составители сталкиваются также с проблемой выбора параметров лексикографической характеристики языковых единиц, отобранных в корпус. Состав этих параметров, с одной стороны, задан словарной традицией, с другой – обусловлен материалом, но прежде всего определяется авторской концепцией словаря. Предпочтительным, на наш взгляд, является идиолектный словарь с комплексной разноуровневой параметризацией лексико-фразеологического материала.

Так, в «Полном словаре...» отражались:

– грамматические характеристики слова (часть речи, грамматические категории отдельных классов слов, особенности словоизменения);

– некоторые произносительные черты идиолекта;

– особенности семантической структуры слова: толкование значения / значений и их оттенков, коннотативные пометы;

– особенности функционирования слова: сфера употребления (пометы «в чужой речи», «в прецедентном тексте», «детское», «официальное»), новизна / устарелость слова, окказиональность образования, стилевая принадлежность; ограничения в сочетаемости; регулярно реализуемые системные связи (синонимия, антонимия, вариантность); использование в составе пословиц и поговорок; сведения о количестве фиксаций в дискурсе; иллюстрации, демонстрирующие использование слова в речи информанта;

– образные словоупотребления (языковые метафоры, речевые сравнения и метафоры) и ироническое употребление;

– соотнесенность лексико-фразеологических единиц с основными формами русского национального языка (пометы «общерусское», «диалектно-просторечное», «собственно диалектное», «диалектный вариант общерусского слова» и др.).

Ряд обозначенных характеристик введен в лексикографическую практику впервые. Это пометы «в чужой речи», «в прецедентном тексте», «устаревающее» (наряду с традиционным «устаревшее»), «неосвоенное», «смягченное», «сочувственное», «осудительное», «негативная эстетическая оценка», «позитивная эстетическая оценка», указание на регулярные системные связи лексических единиц в речи.

Многопараметровое представление идиолексикона позволяет дать максимальный объем информации об объекте описания и значительно расширяет источниковедческие возможности словаря.

III. Интерпретация речевого материала

Главные проблемы, с которыми сталкиваются составители идиолектного словаря, лежат именно в этой области. Опора на данные непринужденной речи конкретной ЯЛ, в которой встречается не только высоко-, но и низкочастотная лексика и фразеология, узуальное сочетается с ситуативным, а общеупотребительное с индивидуальным, вызывает у лексикографов целый ряд трудностей. Часть из них порождена неизбежной неполнотой представления в дискурсе

индивида грамматических, семантических и функциональных характеристик единиц, особенно низкочастотных. Даже при долговременном наблюдении и значительном объеме собранного материала многие сведения из имеющихся текстов извлечь нельзя. Получение их при помощи различных приемов экспериментальных методов нежелательно, если создатели словаря ориентированы на исследование естественной речи, а иногда и невозможно. Другие сложности обусловлены неполным совпадением коллективной и индивидуальной языковой системы, находящихся в отношениях пересечения. В связи с этим привлечение фактов из словарей национального языка, социолекта или диалекта, носителем которого является изучаемая ЯЛ, имеет существенные ограничения. Наконец, задача отражения живой стихии спонтанной речи подчас вступает в противоречие с задачей системной, упорядоченной и достоверной интерпретации речевого материала в словарной форме.

Представляется, что не может быть единственно верного пути решения обозначенных проблем; не всегда возможно и идеальное достижение поставленных авторами-составителями целей. Тем не менее создателями «Полного словаря...» был выработан ряд принципов, которыми руководствовались лексикографы в процессе интерпретации материала.

К основным из этих принципов можно отнести следующие:

- максимально полное отражение явлений, зафиксированных в идиолектном дискурсе;
- ориентация на представление в словаре личности говорящего;
- разграничение достоверных данных, подкрепленных речевой фиксацией, и реконструированных данных;
- интерпретация фактов дискурса с учетом общего, особенного и единичного;
- «мягкая» подача пограничных явлений с одновременным отношением спорных или смежных случаев в оба возможных класса;
- системное, по возможности единообразное отражение однородных или связанных между собой языковых явлений.

Принцип максимально полного отражения идиолектного дискурса нашел свое воплощение при создании словарных статей в соответствии с разработанной многокомпонентной структурой. Авторы-составители стремились к детальному описанию всех особенностей идиолекта, которые давал зафиксированный материал, –

морфологических, синтаксических, фонетических, лексических. В сфере лексики отражались семантические, функциональные, прагматические характеристики, системные связи единиц лексикона, их использование в составе выразительных средств текста и др.

Данный принцип последовательно реализовывался и в отборе иллюстративного материала для словарных статей. Как число контекстов, так и их объем определялись спецификой конкретной лексико-фразеологической единицы. Слова с относительно бедной семантикой и однотипной сочетаемостью иллюстрировались минимальным числом высказываний:

ДВЕНА'ДЦАТЬ. Количество 12. А пришла домой, ну в эту пору, мале'нько попозже, в двенадцать, начало первого; Ну а он малень'кий ешо: двенадцать лет ему¹.

В то же время при сложности семантической структуры слова, широкой валентности, наличии вариантных грамматических форм, попадании данной единицы в зону метаязыковой рефлексии индивида количество иллюстраций расширялось с целью отражения этих характеристик:

СЕМЬЯ'. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и близких родственников, живущих вместе. – Что он один как-то, жены нету, семьи нету; Я уж не хвастаю, а в семье ишь каки' труженики были; Раз все по себе живут – ведь это, Катя, тоже до'ма надо, раз своя семья; Обсемьи'лись – семьёй завелись, потому так и назывались; Сын её хороший! Говорит: «Семью большу' люблю, пусть рождает [жена]»; Горе! Непопу'тна тоже семья, худа'; А так не хо'чете вы квартиру продать одну, сменять? Худо, мало семьи'-то. Это сынок был бы ешо, ли кто-нибудь бы.

СЕРЕДИ'НА, СЕРЁДКА. 1. Место, более или менее одинаково удалённое от концов, краёв чего-л. – Клетка [у пленницы], вот это с краю-то, чтоб не падала. ~ А в середине пленница и всё; Хотела ~ убрать всё-всё, ~ и всё выкрасить по бокам, и высушить, тогда' всё составить, тогда' середину [комнаты] выкрасить; На эти уж они [накидки] у'зки, а только в середину так на кресло постелить; Таку' изде'лают гряду', и убирают в серёдке там – краси'вы таки' лунки; И и'збу пристроили – ну они не из брёвен, а эти... плахи бы заделали с

¹ Здесь и далее словарные статьи из «Полного словаря...» приводятся в сокращённом виде, в виде фрагментов, иллюстрирующих тот или иной тезис настоящей работы.

той стороны и с другой, а в серёдку насы'пали шлак; Накла'дывают и накла'дывают на эту телегу, навоз-то по краям, а [в] середине нету, и кучка ешо навозу. Я говорю: «У тебя не войдёт», а он гыт: «А середина-то пуста!». Я, гыт, после в серёдку, счас пе'рво по бокам [положу навоз]»; А у Маруси избушка в серёдке. Там пе'рва Васе'нькина, а эта Марусина [изба].

СКРО'МНЫЙ. Одобр. Сдержанный в обращении, словах, поступках, следующий нормам поведения. – Приехал, скромный какой был, не пил да не курил; Ну Женя-то сильно бо'йка! Они сами-то скромны, сми'рны всё равно; «Такой хороший, скромный, непьюшый, ничё, гыт, хороший парень»; Он может и матери'ться с кем попало... ~ Молодой, хороший так-то, если б был он поскромней, так и цены не было бы, да пил поменьше; Чё было, всё [съест] на столе. Только бы ему понравилось. ~ Ну Ленка, та поскромне, постарше; Она скромна была, степе'нна така', она вза'муж вышла, так в одеяле неделю сидела, не ложилась спать [с мужем].

Составители сочли необходимым включение более объёмных, подчас пространных контекстов при собственно диалектных словах и устаревающих единицах этнографического плана:

ОХЛЮ'ИХА. Неодобр. Ленивая, неряшливая, бесхозяйственная женщина. – «А, та худа' ба'ба, гыт, была! Она тоже, – говорит, – охлюиха, в огороде ничё не было у ней...» ~ [Что значит «охлюиха»?] Ну плоха'. Ну как сказать? Лени'ва, ли кака'... Не хозяйка. Охлюиха; «Ты и раньше была охлюиха! Как ты была охлюиха, – Андрей говорит, это она уж мне ска'зывают, – как ты была охлюиха, так и есь охлюиха». Аня смеётся наша, гыт: «Кака' же охлюиха, кака' охлюиха?» Я говорю: «Ну как сказать? Засра'нка».

ПЕЛЕНИ'ШНИК. Устаревающ. Особым образом сшитое одеяло с завязками, предназначенное для пеленания ребёнка. – Я прихожу, а моя мама пеленишник шьёт. А раньше пеленишники шили: от так от это, от такой ширины матерьял и от так прошьют его так, так вилю'шками, так стежит, ваты мале'нько подложит туды', и в два рядя' матерьял... [Им завязывали?] Ну. Возьмут таку' пелёночку, таку' долино'й [больше метра], и так и пеленишник этот, замотают этой пелёнкой, а пеленишником завяжут. Ну он широкенький такой. А на краях верёвочки таки' привяжут у'зеньки, чтоб завязывать-то.

Развернутые иллюстрации давались также в тех случаях, когда краткое высказывание не позволяет пользователю словаря понять значение слова и ситуацию его употребления:

НАРВА'ТЬСЯ. Встретиться с кем-л. нежелательным, оказывающим противодействие. – Ну и она пошла, ба'бочка-то, с председателем сельсовета пошла к Аксинье. Она гыт: «Это чё? Вот Верето от... Я-то живу одна. А у ей племянники-то всё... пришли, дак в шесь топоров дрова кололи, дрова привезли». – «О, каки' молодцы! – с райсобе'су-то [говорит]. ~ Вот, гыт, хоро'ши дак хоро'ши племянники! Вот я понимаю, что племянники!» – вот она, Аксинья, нарвалась на неё. Она ба'ба-то бо'йка.

Отражению специфики идиолектного дискурса способствовало сочетание контекстов монологической и диалогической речи информанта, в том числе диалогов с односельчанами и собирателями:

РЕШЕ'ТИНА. Каждая из жердей, образующих какую-л. решётку. – [Что такое «пря'сло» у забора?] Вот пря'сло тако', жерди кладёшь... [С: Они не прибиты.] [Какие жерди?] А вот эти до'лги палки. [С: Ну вон, решетины.] Это столбики, а вот так-то [поперёк] прибиваются «жерди» называются. [С: Решетины.] Жерди ведь зовут-то? [С: В лесу жерди, а кода' прибил, уже решетины.] Всё равно жерди. [С: На крышу вот ло'жишь жерди.] Жердь, а так «решетина» называют – вот крышу кроют, да там бревёшки таки' кладут – эти «решетины» называют. [С: Ну и это решетина]; А там надо мужикам [крыть крышу], подымать шифер такой, и решетины надо но'вы делать.

Ориентация на представление в словаре личности говорящего особенно ярко отражена в отборе иллюстративного материала. Наряду с демонстрацией собственно языковых особенностей включенные в словарные статьи высказывания представляют взгляды ЯЛ, ее ценностные установки, автобиографические сведения и т.д.:

МА'МА. – У нас мама-то я'рска была; Мама у меня мастерица была вышивать.

СО'ВЕСТЬ. – «Вот совесь-то кака'! И ни расписку не взяла, и никого, и вот...» [дала деньги в долг]. Я говорю: «Ну совесь-то дороже расписки, правда?»; Говорили ра'нешны люди: «Совести не будет, будут, гыт, ехать, искать чё лучше» – правда!

♦ НА СВОЕ'Й ШКУ'РЕ. – Так-то, детей бы не было – горя мало [что муж ушёл к другой], а то ведь дети. ~ Бе'дна! Я-то всё пережила на своей шкуре, да жалею! Прямо жалею.

НЕГРА'МОТНЫЙ. – Ишь – мы и говорим-то неправильно, раз мы неграмотны; Я так... кого, неграмотный человек, тёмный – по-чём я знаю? Ничё я не знаю. Ну иконы рубить бы я не стала.

ПРА'ВИЛЬНО². – У ей там изба тоже... ~ Она взяла и продала её, Коле же продала. За восемь тысяч продала. Ну вот так, Катя, думаешь – правильно? Мне вот кажется – неправильно. Хоть бы за четыре тысячи. Племянник родной; У нас Аня тоже ши'бко ба'ловат [детей], Колька вроде как-то получше. Думаю: правильно; Неохота Гале жить в городе. Охота в деревне. Ну так-то правильно.

Дополняют характеристику личности включенные в структуру словарной статьи прецедентные тексты (пословицы и поговорки), в которых, по теории Ю.Н. Караулова, наиболее полно воплощен мотивационный уровень структуры ЯЛ:

БОГ. По религиозным представлениям, верховное существо, управляющее миром. – Народу много там [в церкви] было, ши'бко много народу. Мо'лятся Богу; «Батюшка – Бог», – она называ'т [священника]. Я говорю: «Ну батюшка не Бог же!» Ну какой батюшка Бог?; Ну чё, за вас Богу молить надо [за подарки]; «За чё, гыт, меня Бог наказал, таким соседом?» # БОГ ДА ГОРОД, ЧЁРТ ДА ДЕРЕВНЯ. БОГ-ТО БОГ, ДА И ТЫ БЫ ПОМОГЛА. БОГ-ТО БОГ, ДА САМ НЕ БУДЬ ПЛОХ. БОГУ МОЛИСЬ, А ЧЁРТУ В ГЛАЗА НЕ ПЛЮЙ. БОДЛИВОЙ КОРОВЕ БОГ РОГА' НЕ ДАЛ. ГОЛЕНЬКИЙ – ВОХ, А ГОЛЕНЬКИМ БОГ. НА, БОЖЕ, ЧТО (КОТО'РО) НАМ НЕ ГОЖЕ. НУ КТО ПЬЯНЫЙ БОГУ СВЕЧКУ СТАВИТ? ОЧИСТИЛ, БОЖЕ, НИ КУЛЯ, НИ РОГОЖИ.

Развернутое лексикографическое описание всех прецедентных текстов диалектоносителя планируется представить в аспектном словаре.

Принцип разграничения документально подтвержденных и реконструированных данных реализовывался прежде всего при определении формы заглавного слова и его грамматических характеристик.

В записях живой спонтанной речи оказались нередкими случаи, когда та или иная единица не зафиксирована в начальной (словар-

ной) форме, а ее предполагаемая звуковая оболочка может быть вариативной. В таких ситуациях составителями словаря заглавное слово словарной статьи давалось со знаком реконструкции*. Так, на основе употреблений *проро'сти (картошку)* и *были семена-то проро'сии* дан инфинитив *ПРОРО'СТИТЬ, по словоупотреблению *пять рядов просо'жено* – инфинитив *ПРОСАДИ'ТЬ и т.д. С аналогичным знаком давались глаголы, если в дискурсе отмечено только причастие: *ИЗЖЕ'ЧЬ, прич. кр. изжжён. *НАБОРОЗДИ'ТЬ, прич. кр. набороздён.

В некоторых нелитературных единицах реконструкция начальной формы слова была связана с отсутствием письменной традиции в его передаче. Например, условно восстановлена словарная форма глагола *НАКА'ПЕТЬ (*на сапоги нака'пело, на тебя нака'пет*: слабая позиция заударного гласного может быть передана и как *НАКА'ПИТЬ, *нака'пило, нака'пит*) и существительного ЛА'ДКА (ЛА'ТКА?) (формы *ла[t]ка, ла[t]ки, в ла[t]ке* при наличии отмеченных вариантов ЛА'ДОЧКА и ЛА'ТОЧКА не позволяют однозначно определить облик заглавного слова). Затруднения лексикографов вызвала и подача отдельных междометий, для точного воспроизведения которых недостаточно графических знаков русской азбуки. Такие междометия включены в «Полный словарь...» с комментарием «звучание передано приблизительно» (ТФ. Имитация сплёвывания против сглаза. Ф-Ф-Ф-Ю. Имитация затруднённого дыхания. ХЫП. Имитация звука выстрела и др.)

Проблема достоверного отражения грамматикона ЯЛ встала перед лексикографами при описании словоизменительных особенностей лексических единиц.

В идиолектных лексикографических трудах невозможно дать исчерпывающую информацию о парадигме склонения или спряжения слов, как это принято в словарях кодифицированного литературного языка. В связи с этим в ряде словарей языка писателей (вслед за «Словарем языка Пушкина») словарные статьи содержат перечень всех зафиксированных словоформ данной единицы. Составители «Полного словаря...» пошли по несколько иному пути. У общерусских слов отмечались лишь варианты и несовпадающие с литературным языком словоформы: ДОМ (ед. до'ма, до'му, п.ед. дому', до'ме); БЕРЕ'ЧЬ (1 л. ед. берегу', бережу', 3 л. ед. берегёт); ДЕ'ВОЧКА (р. мн. де'вочков); СТОНА'ТЬ (1 л. ед. стона'ю, 3 л. ед.

стона'т, 1 л. мн. стона'м, повел. стона'й), поскольку все прочие легко восстановимы. У диалектных и просторечных слов приводились сведения обо всех формах, которые встретились в речи информанта: АЛЮ'СИТЬ (3 л. ед. алю'сит); ГАМАНО'К (в. ед. гамано'к, п. ед. гаманке').

В зоне семантических характеристик вопрос о разграничении достоверных и реконструированных фактов возникал при описании слов, отмеченных в дискурсе только в метафорических, образных значениях. Поскольку прямые значения не зафиксированы, помета «переносное» также дана со знаком реконструкции: НАВА'Р. *перен. Доход. – Ну, она гыт, «я поторговала, хорошо, хороший навар». ОБГРЫ'ЗТЬ. *перен. Обломить, отбить. – Я говорю: «О'споди, всё прямо обгрыз. Чайник обгрыз, эту [чашку] обгрыз».

Принцип интерпретации фактов дискурса с учетом триады «общее – особенное – единичное» (языковая система русского языка в целом – система среднеобских старожильческих говоров, в том числе родного для информанта вершининского говора, – идиолект ЯЛ) предполагал опору на системные закономерности каждой из составляющих этой триады, выявление в лексикографируемом материале общерусских и диалектных черт, разграничение узуального и индивидуального.

В решении обозначенных задач лексикографы опирались:

- на данные наиболее авторитетных словарей литературного языка (в первую очередь МАС [11], БАС [12]) и диалектных словарных источников (дифференциальные словари среднеобских говоров [13, 14 и др.], полный «Вершининский словарь» [15], другие областные словари);

- корпус текстов, отражающий живую речь диалектоносителя на протяжении 24 лет регулярных записей;

- исследования о феномене русской ЯЛ и ее типах, о диалектной ЯЛ в целом и идиолекте В.П. Вершининой;

- материалы «слуховой памяти» (см.: [16. С. 105–106]) и показания собственного языкового сознания. Обращение к интроспекции было обусловлено тем, что филологи-составители словаря являются носителями не только научного, но и обыденного сознания, а многолетнее общение с информантом привело к пассивному овладению вершининским говором и позволило хорошо узнать особенности речи В.П. Вершининой.

В отдельных случаях (при проверке общерусского характера слов, отсутствующих в словарях литературного языка) в качестве дополнительного источника использовались также сведения из интернет-дискурса.

С учетом общих закономерностей русской языковой системы составители описывали грамматические особенности идиолекта, устройство лексикона ЯЛ во всем многообразии тематических и лексико-семантических групп, системных связей и оппозиций входящих в него единиц. Исходя из предпосылки об общерусской основе лексикона диалектной ЯЛ (по предварительным подсчетам, 59,2% единиц в нем общерусские [17. С. 41]), при семантизации многих лексических единиц лексикографы отталкивались от толкований значений в словарях русского литературного языка.

В то же время выделение в лингвоперсонологических работах последних лет понятия «рядовой носитель языка как тип ЯЛ» и исследования языкового сознания рядовых говорящих позволили отойти от характерных для академических источников толкований значений, представляющих научное сознание. Думается, что большинство владеющих русским языком не воспринимает, скажем, яйцо как «женскую половую клетку птиц, черепах и некоторых других яйцеродных животных со всеми одевающими ее оболочками (желтка, белка и скорлупы) овальной формы» [11. Т. 4. С. 781], воздух как «образующую атмосферу Земли смесь газов, гл. образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных и растений» [11. Т. 1. С. 199] и т.п. В «Полном словаре...» из определений такого рода были устранены термины и неактуальные для носителя быденного сознания семы. Например, ЯЙЦО толкуется как «зародыш птицы (обычно курицы) в плотной овальной оболочке, преимущественно как продукт питания», а ВОЗДУХ как «газообразное вещество, которым дышит всё живое». Особенно последовательно упрощались дефиниции названий растений и животных: КАПУ'СТА. 1. Огородное растение в виде скрученных в вилки листьев (ср. МАС: Огородное растение сем. крестоцветных, овощ); ЛИСИ'ЦА. Хищное животное с острой мордой и длинным пушистым хвостом (МАС: Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом, а также самка этого животного); СКУ'МБРИЯ. Небольшая морская жирная рыба (МАС: Небольшая морская промысловая рыба с веретеновидным телом; макрель); ПЧЁЛЫ. Насе-

комые, перерабатывающие цветочный нектар в мёд (МАС: Насекомое отряда перепончатокрылых, собирающее цветочный нектар и цветочную пыльцу и перерабатывающее нектар в мед, а пыльцу в пергу) и т.д.

При отражении в идиолексиконе ЯЛ черт, типичных для диалектной языковой системы, составители опирались на данные областных словарей, монографий, статей, посвященных русской народно-речевой культуре и языковой личности ее представителей.

Поскольку для диалектной ЯЛ, как показали исследования последних лет, характерна высокая степень конкретности восприятия действительности [17, 18], значения многих слов были истолкованы в «Полном словаре...» на более низком уровне обобщения, чем в словарях литературного языка. Так, семантика слова *сетка* передается через ряд частных значений:

СЕ'ТКА. 1. Ложе кровати из перекрещивающихся металлических пластинок, проволоки, пружин и т.п., закреплённых на раме. – А у меня мешки де-то под постеле'лей, на сетке скла'дены, на кровати. 2. Сумка для ношения продуктов и лёгких вещей, сплетённая из ниток, верёвок и т.п. – Сумку не взял, ни сетку, ничё не взял. 3. Плетёная тара для хранения овощей. – Это, картошки две сетки поло'жила [в погреб]. Ну, ве'дер шесь. 4. Приспособление из переплетённых нитей, проволоки и т.п., служащее для защиты от чего-л. – Так бы выставил окна, да марлечку натянул бы хоть ли сетку бы.

В МАС и БАС как самостоятельное выделено только второе из этих значений, прочие объединены в обобщенное «приспособление различного назначения из перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки и т.п.».

Выявление семантики нелитературных единиц в лексиконе информанта осуществлялось с привлечением областных словарей, в том числе среднеобских и вершининского.

С учетом результатов исследований в области традиционной народной культуры и ценностной картины мира русского крестьянства в «Полном словаре...» разрабатывалась система оценочных помет («осудительное», «неодобрительное», «негативная эстетическая оценка», «позитивная эстетическая оценка» и др.); в отдельных случаях была пересмотрена лексикографическая традиция подачи оценочных лексических единиц. Так, и в словарях литературного языка

(БАС, МАС), и в полных диалектных словарях («Вершининский словарь», «Акчимский словарь» [19]) ХУДОЙ в значениях «недостаточно полный, с худощавым телом» и «плохой, так или иначе отклоняющийся от идеальной нормы» даются как грамматические омонимы; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой интерпретировано как омонимичное и значение «дырявый, прохудившийся» [20. С. 870]. Наши материалы показывают явную и живую связь всех названных ЛСВ в традиционной крестьянской культуре. Об этом свидетельствуют и показания метаязыкового сознания информанта (*«Ты похудела» – мне не нравится так говорить, а «постарела» скажут – так ничё*), и синтез сем «недостаточно плотное телосложение» – «негативная оценка более общего плана (эстетическая, прагматическая)» в однокоренном ПОХУДЕТЬ, и симметричное отражение данной связи в прилагательном ХОРОШИЙ. На этих основаниях лексема ХУДОЙ в «Полном словаре...» представлена как многозначная, с последовательной связью ЛСВ, отражающих как общие, так и более частные аспекты рациональной негативной оценки.

Опора на закономерности соотносимых с идиолектом В.П. Вершининой языковых систем способствовала и уточнению многих грамматических характеристик лексикографируемых единиц. К примеру, с учетом общерусских и диалектных фактов определялась переходность глаголов. Помета о переходности давалась при возможности употребления прямого дополнения, не всегда реализованной в устной речи в силу ее эллиптичности. Так, КОСТИТЬ и ПОКОСТИТЬ отмечены в дискурсе информанта только в поговорке *За глаза кости'т, а в глаза лести'т* и метатексте *Может в глаза полести'ть, а за глаза покости'ть*. Эти глаголы входят в семантическую группу обозначений речевого воздействия на объект (*ругать, бранить, проклинать, укорять* и т.п.), имеющих в русском языке свойство прямой переходности. Достоверность пометы «перех.» в «Полном словаре...» косвенно подтверждается данными «Словаря диалектного просторечия Среднего Приобья» (КОСТИТЬ, перех. – Он костит его, да всё там бывает: и ругает его, и кричит) [14. С. 135] и «Словаря русских старожильческих говоров...» (ПОКОСТИТЬ, кого. – Я её покостила – отругала тут) [13. Т. 3. С. 44].

Задача представления не только узуального, но и индивидуального начала в идиолекте ЯЛ осуществлялась через сопоставление данных корпуса текстов информанта и созданной на его основе кар-

тотеки «Полного словаря...» с другими словарными источниками. Выявленные расхождения в семантике, грамматике, функциональных характеристиках лексических единиц нередко представляют именно индивидуальные черты В.П. Вершининой.

Составителями идиолектного словаря отражались случаи неполного или неточного осмысления узусных значений слов, находящихся на периферии словарного запаса ЯЛ. Ряд толкований слов и фразеологизмов в словаре обусловлен этим подходом:

МЕДО'ВА (МЕДОВА') РОСА'. Неосв. Роса, с которой, по мнению информанта, собирают мёд пчёлы. – Ну говорят: «Медо'ва роса». [Она плохая?] Хоро'ша, хоро'ша. Мёд собирают с её... пчёлы. Ну я слы'хывала... говорят, что медова' роса упала – хоро'ша она; Медова' роса упала, а чё она де'лат? Я не знаю.

Представление ЯЛ о данном природном явлении не соответствует действительности. Ср. Даль: «болезнь растений, которые покрываются сладковатою жижей» [21. Т. 4. С. 104]; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «спец. Слизистое выделение на растениях» [20. С. 684].

АКА'ФИСТ. Особая, более продолжительная по сравнению с обычной, молитва. – «Батюшка, у нас с акафистом!» – он с акафистом служит, долго, подороже пло'тют там; Дороже платили, долго служили – «с акафистом» называли; [Что такое «акафист»?] Така' молитва больша', до'лга.

Контексты показывают, что диалектоносителем усвоены только некоторые компоненты семантики религиозного термина. Ср. МАС: Молитвенно-хвалебное песнопение в честь Христа, Богородицы или святого, а также церковная служба, состоящая из таких песнопений).

Фиксировались также редкие случаи употребления информантом десемантизированных лексем:

РАМЕ'Н. Сильный? (зн. информантом не осознаётся). – Кто эту молитву знает, тот по' три раза в день читает, тот раб, раме'н, от огня, от пламени ~». [А что значит «раб раме'н»?] Раб раме'н. Раб. «Тот раб, раме'н, от огня, от пламя, от воды, от потопа, от зла лиха' человека, аминь».

Предположение об утраченном значении дано на основании словаря Даля: «*Рамени'стый, рамена'стый*, плечистый, широкий в

плечах, ражий, дюжий, сильный, крепкий или коренастый» [21. Т. 4. С. 57].

Индивидуальное начало в речи В.П. Вершининой отражается в ряде функциональных помет («в чужой речи», «неосвоенное»), пометах и текстовых комментариях, передающих коннотативные смыслы и интонационное оформление высказывания (ироническое, шутливое, сочувственное), включенных в словарные статьи речевых сравнениях и метафорах, справочных сведениях о статистике зафиксированных словоупотреблений и др.

Составители словаря стремились также к разграничению значений и ситуативных употреблений лексических единиц. Последние давались с особым знаком (ВРАЧ. 1. Человек с высшим медицинским образованием, профессионально занимающийся лечением. – Болеет и болеет, ну всё дома, дома – видно, врача вызывали; Ну, он говорит это: «Идите к врачу к хирургу». / О фельдшере. Уколычики ходит мне врач ставит; Повезли его туды' к врачу к нашему-то, она ему дала справку). Среди ситуативных словоупотреблений имеют место не только индивидуальные, но и общепринятые в говоре, и их квалификация являлась достаточно сложной задачей. Если окказионализмы и иронические контексты, в которых слово приобретает противоположный смысл, можно отнести к индивидуальным с высокой степенью точности (ВСТАВЛЯ'ШКИ. Оказ. Действие по глг. вставлять. – [Вставить бы новые.] Зубы-то? О'споди. Каки' тут вставляшки; ЕДО'К. Тот, кто любит плотно поесть. / Ирон. – А, они худо едят, кого там! «Едоки»; Ничё не поела! [Поела.] «Поела»! Едок!), то при единичных употреблениях не вполне ясной остается грань между узуальными переносными значениями и индивидуальными образными употреблениями, и такие примеры поданы в словаре по-разному (ср.: БАЛЕРИНА. Ирон-неодобр. О человеке, считающем себя важной, значительной персоной. – А они [молодожёны] в машине сидят там на улице. Он это, мне говорит: «Иди, проздрав'вь их». Ну Катя, пра'ильно ра'зе? Они бы, как я старушонка така' ста'ренька, дак взяли да зашли бы ко мне. <...> Полезла бы там их туды' проздравля'ть – в машине сидят они, каки' балерины! РОГА'. 2. перен. Об уродливых наростах на клубнях овощей. – От попадёт гнездо [картошки] – вроде кру'пненьки, хоро'шеньки, а то от таки' бе'лы каки'-нибудь от всякими с рогами. ПРИЧАСТИ'ТЬСЯ. Принять причастие, подвергнуться обряду причастия. ■ Пережить

неприятное событие, происшествие¹. – [Родственники попали в аварию, перевернулись на машине.] Я говорю: «Ну вот, причастились!» Я говорю: «Ши'бко машину изломал?»). Достаточно определенно можно отнести к речевым индивидуальным метафорам только шутивно-иронические употребления (ПИОНЕРКА. Девочка, являющаяся членом пионерской организации. / Шутл. О ком-л. в одежде, напоминающей пионерскую форму. – «Сшей, гыт, это, воротничок белый и грудочку так бе'лу вставь, ишлячка' бе'лы, пояс белый изде'лай...» Я говорю: «Ну, пионерка буду настоя'шша»). В некоторых случаях также нелегко разграничить по единичным фиксациям фразеологизмы и индивидуальные образные словосочетания (ОХ ДА АХ. О невесёлой, безрадостной обстановке. – «Я думала, Физа, ночуешь у меня». Я говорю: «Ну конечно, тут чё – ох да ах. Ох да ах, – говорю. – А та'мо-ка чё – хы-хы-хы' там», – говорю).

В словаре осуществлялся **принцип «мягкой» подачи пограничных явлений** с одновременным отнесением спорных или смежных случаев в оба возможных класса.

Данный принцип использовался при формулировании лексического значения слов с «мерцанием» отдельных сем, то проявляющихся явно в речевом употреблении, то не восстанавливаемых из высказывания. Единого способа интерпретации подобных явлений в «Полном словаре...» выработать не удалось, однако составители использовали различные варианты «мягкой» формулировки семантики с включением в дефиницию компонентов значения, которые не всегда реализуются в контексте во всей своей совокупности.

Разновидностью «мягкой семантизации» являются диффузные толкования значения:

СОРВАНЕ'Ц. Бойкий, решительный, склонный к разрушению, быстрый в движениях и работе человек. – А у ей мать была – така' прямо сорванец тоже! Невысокого росту, ну сильно така', бо'йка была. Пойма'т даже и... курчонку если, голову свернёт; Но'нче пришла [соседка], там отломила [деталь швейной машинки]. Ну как чё придёт, так, как сорванец, чё-нибудь, да излома'т; А я... покопала [огород], приходит Нина Васильевна. Я счас говорю: как сорванец какой-нибудь. Прибежала, как давай копать!

¹ Знак ■ был введен в Словарь начиная с третьего тома для обозначения речевых метафор.

В других случаях авторами словарных статей объединение «мерцающих» сем в одной дефиниции отражалось:

– через союз «а также»:

СЕНОКО'С. Косьба травы, а также время такой косьбы. – А это воскресенье тоже сено сгребал, на тракторе работал, поставили его, ну на время, на сенокос; Мы раньше, Катя, работали на сенокосе – в эту пору мы ешо не думали домой ехать; Сенокос вот эту по'ру, попозже, ко'сют;

– через сочетание соединительного и разделительного союзов «(и/или)»:

ЧЁРНЫЙ 2 //. Смуглый и / или темноволосый. – И вот она на отца походит: чёрна. Та бе'ла, а эта чёрна; Отец-то чёрный был, а Валька-то как ры'жа; Я не люблю таки' бе'лы [седые] волосья. [С: Мне дак ничё даже.] Дак сама чёрна как головёшка – конешно, «ничё»;

– через формулировку значений и их оттенков, демонстрирующих плавный переход от одного ЛСВ к другому с наложением смежных сем:

РЕВЕ'ТЬ. 1. Издавать протяжные, громкие, низкие звуки (о животных, птицах). – Коровы на полях были. Идут реву-ут коровы, не знают куды' заходить-то: дым!; Гуся', гусака да гуси'цу до'ржит. Они ходят по ограде, ревут тут-ка, в загородке; Однако, выгнать куды'-то надо эту кы'ску. Будет реветь ночью. 2. Плакать. – А девчонка-то постарше. «Ой, пла'чу, гыт, от неё ка'жный день по два раз реву» [жалуется мать]. // Плакать громко, с криком. Аня там ре-вёт, плачет: «На бутылку просишь... Меня полуризу'ет...»; Ой! ой! Аня как ревела-ревела, та'мо-ка прямо плакала. Плакала она прямо рёвом. 3. Кричать. – Ему от так давлю живот, он терьпит, как только отпустила, он: «Ой! ой! ой!» – ре-вёт; «А чё я, откуда знаю, да я мать троих детей», да как начала реветь, со всёй силушки-то, разговари-вать-то грубо.

Принцип «мягкой подачи» нашел применение и при решении вопроса о соотношенности косвенных словоформ со словарной, если они являются общими для вариативной начальной формы. Например, в речи диалектоносителя встречается ЛИТР и ЛИ'ТРА, различающиеся в ед. числе (*бо'ле литра браги / ли'тры нету даже, по*

ли'тре в день брать, мне налила ли'тру), но имеющие общие формы мн. числа *литров, литрам, литрами*); НОЧЕВА'ТЬ и НОЧАВА'ТЬ дифференцируются при словоизменении в прошедшем времени (*в огороде ночевали / на полу ночава'л*), однако не различаются в настоящем времени и повелительном наклонении (*ночуешь, ночует, ночуйте*). Аналогичные явления отмечены в словах РУБЛЬ и РУБЬ, МЕТР и МЕ'ТРА, ПАЛА'З и ПАЛАС, ЛЕ'ЗТИ и ЛЕЗТЬ, ПЕЧИ'СЬ и ПЕЧЬСЯ, СЪЕСТЬ и СЪИСТЬ и др. В подобных случаях составители «Полного словаря...» сочли целесообразным указывать общую статистику для вариантов начальной формы слова. Там, где это позволял материал, особо отмечалась более частотная начальная форма: ЛИТР, м., ЛИ'ТРА, ж. (р. ед. ли'тры, в. ед. ли'тру). О и ДО 10/40. НОЧАВА'ТЬ и (реже) НОЧЕВА'ТЬ. 1. Проводить (спать) где-л. ночь. ДО и О 5/43¹.

Этот же принцип использовался в сложных случаях разграничения имен собственных и нарицательных (например, слово ЕЛА'НЬ, используемое в идиолекте как наименование и возвышенного ровного места вообще, и единичного топонимического объекта, включено как в базовый толковый словарь, так и в аспектный словарь имен собственных), при постановке комбинированных помет, если коннотативные различия были слишком незначительными для выделения отдельных значений (ВОЛО'СКИ ласк. и ум.-ласк.) либо экспрессивные и эмоциональные компоненты семантики совмещались в одном употреблении (ВОЛОСЁНКИ ум. и унич.), в комментариях функционального плана (ЖО'ПА. Употр. обычно нейтрально, реже грубо).

Составители и редактор словаря стремились следовать **принципу непротиворечивого, единообразного отражения однородных языковых явлений и системного описания лексикона**. Эта задача является наиболее сложной и не решена до конца даже в наиболее авторитетных академических изданиях.

Один из ключевых пунктов при составлении толкового словаря – выстраивание системы значений многозначных лексем. В «Полном

¹ Условные сокращения в справочной части словарной статьи в данном случае показывают, что общерусские единицы (О) ЛИТР, НОЧЕВАТЬ и их диалектные варианты (ДО) ЛИ'ТРА, НОЧАВА'ТЬ представлены в картотеке суммарно в 50 и 48 словоупотреблениях (через дробь отражена статистика зафиксированных употреблений при сплошном и выборочном расписывании материала).

словаре...» в качестве основного был избран логический принцип их упорядочения:

– от первичных значений – к вторичным: ПА'СКА. 1. Величайший праздник православной церкви, отмечаемый в течение недели. 2. Пасхальный кулич;

– от прямых – к переносным: ПА'СЫНОК. 1. Неродной сын одного из супругов. 2. Боковой побег растения;

– от более общих – к более частным: ПЛАСТ. 1. Большой плоский кусок чего-л. 2. Плоский слой сена, входящий на одни вилы при формировании стога. 3. Часть кочана капусты, нарезанного для засолки;

– от общерусских – к диалектным: ПОЛ¹. 1. Нижний настил в помещении. 2. Земля, поверхность, низ чего-л.

Во многих случаях опора на эти типы логических связей дает совпадающий результат при интерпретации языкового материала и к тому же поддерживается частотными характеристиками: переносные употребления в большинстве своем отмечены меньшим числом фиксаций, чем прямые, диалектные встречаются реже, чем общерусские, и т.д.

Некоторые минусы подобной систематизации значений связаны, во-первых, с тем, что логическая последовательность значений может опираться на разные основания. Так, в словарной статье ЗАБРАТЬ¹ ЛСВ выстроены следующим образом: 1. Увезти, унести с собой, к себе. 2. перен. Унаследовать какие-л. черты внешности. 3. Арестовать, задержать. 4. Призвать на военную службу. Автор словарной статьи, очевидно, шел от обозначения физических характеристик к социальным. Другим возможным вариантом могло быть вынесение в конец статьи более яркого метафорического переноса во 2-м значении, являющегося к тому же единственным диалектным ЛСВ в данном слове.

Кроме того, в ряде лексем логический принцип упорядочения значений оказался вступающим в противоречие с функциональным. Например, в идиолекте информанта ПЛЁНКА во вторичном значении «тонкий полупрозрачный материал из синтетического полимера» гораздо частотнее, чем в более раннем ЛСВ «тонкий слой льда, образующийся при замерзании водоёма»; более частный, вторичный ЛСВ глагола ПИТЬ «употреблять алкогольные напитки» используется в речи намного активнее, чем более общий и первичный «гло-

тая, поглощать жидкость», и т.п. На первый взгляд кажется, что опора на функциональный критерий предпочтительнее в идиолектном словаре, поскольку ярко демонстрирует «ранг актуальности» значений полисеманта. Однако составители отказались от этого принципа в связи с тем, что во многих многозначных словах частотные различия употребления ЛСВ резко не выражены.

Еще более трудным является единообразное отражение в словаре связанных между собой языковых явлений. В идеале при формулировке значения каждого из членов синонимического ряда следует учитывать толкования других звеньев синонимической цепочки; должны коррелировать друг с другом ЛСВ антонимических оппозиций, видовых пар глаголов; по одной модели желательно давать определения внутри тематических и лексико-семантических групп и т.д. В соответствии с этим принципом создатели «Полного словаря...» стремились соотнести систему значений в словарных статьях БРАТЬ и ВЗЯТЬ, БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКИЙ, ИДТИ и ПОЙТИ, ХОРОШО и ХУДО, формулировать однотипные дефиниции слов компактно выделяемых лексических групп (например, названия официальных праздников: ДЕНЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ. Государственный праздник в честь старшего поколения, отмечаемый 1 октября. ДЕНЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. Государственный праздник в честь работников сельского хозяйства, отмечаемый во второе воскресенье октября, и др.; названия религиозных праздников: ЕГОРЬ-ЕВ ДЕНЬ. День памяти Георгия Победоносца, отмечаемый православной церковью 6 мая (23 апреля). КАТЕРИНИН ДЕНЬ. День памяти св. великомученицы Екатерины, отмечаемый православной церковью 7 декабря (24 ноября), и т.д.), некоторых грамматических классов (например, звукоподражательных междометий). Вместе с тем материал идиолекта показывает, что полная систематизация подобного материала в принципе невозможна по многим причинам. К причинам субъективного плана относятся трудность одновременного сопряжения значительного объема материала по ряду параметров, различная интерпретация языковых фактов в большом коллективе составителей словаря. Объективной причиной является асимметрия в наполнении многих находящихся в системных связях лексических единиц. Так, в лексиконе диалектоносителя оказались слабо соотнесенными однозначное, относительно низкочастотное (22 словоупотребления) существительное НЕПРАВДА и многозначное, высокочас-

тотное, имеющее несколько грамматических омонимов (сущ., нар., мод., союз) ПРАВДА (около 300 словоупотреблений); анализ обнаружил семантические и функциональные различия слов СИЛЬНО и ШИШКО, БОЛЬНОЙ и ЗДОРОВЫЙ, ХУДОЙ и ПЛОХОЙ и др.

Таким образом, фундаментальная задача создания полного идиолектного словаря ставит перед лексикографами множество проблем. Не все их удастся решить в равной мере удовлетворительно, и в завершенном на сегодняшний день труде составителям хорошо видны допущенные ошибки, неточности, противоречия. И все же каждый новый словарь – это шаг вперед в постижении языковой материи и личности человека, владеющего языком. Опыт первопроходцев поможет воплотить в лексикографическую практику новые проекты и в то же время послужит развитию теории лексикографии.

Литература и источники

1. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 141 с.
2. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2000. – 188 с.
3. Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 144 с.
4. Толстова Г.А. Словарь языка Агафьи Лыковой. – Красноярск, 2004. – 560 с.
5. Малышева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии: Учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь, 2007. – Вып. 1. – 136 с.
6. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1: А–З. 358 с.; 2007. – Т. 2: И–О. 338 с.; 2009. Т. 3: П–Р. 324 с.; 2012: Т. 4: С–Я (в печати).
7. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2001. – Вып. 1. – 442 с.
8. Изотов В.П. Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого: Е, Ё // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. – Владивосток, 2002. – С. 182–193.
9. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, – 2005. – 162 с.
10. Даль В.И. Искажение русского языка // Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского): в 10 т. – СПб., М., 1898. – Т. 10.
11. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4. (МАС).
12. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17 (БАС).
13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
14. Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 317 с.

15. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.
16. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
17. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
18. *Гольдин В.Е.* Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 53–65.
19. *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф.Л. Скитова. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011. – Вып. 6: Т–Я. – 312 с.
20. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «Инфотех», 2009. – 944 с.
21. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1–4.

С.В. Волошина

РЕЧЕВОЙ ЖАНР АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА КАК ФРАГМЕНТ ЭНЦИКЛОПЕДИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Статья содержит описание инновационного типа словаря – энциклопедии речевых жанров, проблема создания которой только поставлена в современной отечественной лингвистике. Рассматриваются информативные возможности такого лексикографического издания. В качестве иллюстрации словарной статьи предлагается описание речевого жанра автобиографического рассказа в диалектной коммуникации. В словарной статье дается определение речевого жанра автобиографического рассказа, описываются его построение, средства языкового воплощения, гендерные особенности.

Ключевые слова: энциклопедия речевых жанров, речевой жанр, автобиографический рассказ, диалектная коммуникация.

Современная тенденция гуманитарных наук к интегративно-сти привела исследователей к необходимости упорядочения накопленных знаний, к их комплексному оформлению в рамках одной науки, одного научного направления. Отечественное жанроведение в этом смысле поставило перед собой одну из таких задач – создание энциклопедии речевых жанров русского языка [1–2], которая будет отвечать на вопрос об имеющихся жанрах речи в русском национальном языке и их особенностях. В недрах современной лингвистики и лексикографической практики создано немало инновационных концепций словарей, успешно реализующихся или уже реализованных. Энциклопедия речевых жанров – один из таких типов лексикографических изданий, проблема создания которых поставлена, но не решена.

Возможно, такое состояние дел объясняется тем, что до сих пор нет единого общепринятого определения речевого жанра, не всегда определимы границы того или иного речевого жанра, поскольку в естественном общении речевые жанры могут быть переплетены и зачастую перетекают один в другой, соответственно, можно говорить о взаимодействии сразу нескольких жанров речи. Кроме этого, существует и проблема названия речевых жанров: изучая одни и те же типы высказываний, исследователи толкуют их по-разному, что также мо-

жет создавать определенные трудности при инвентаризации жанров речи.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, существуют попытки упорядочения речевых жанров. Например, все речевые жанры исследователи классифицируют, учитывая как структурные, так и содержательные признаки: первичные / вторичные [3]; простые и сложные, примарные и секундарные [4]; риторические / нериторические [5] и др.

Наряду с типологиями речевых жанров осуществляется и их систематизация. Так, в Саратовском государственном университете издаются сборники «Жанры речи», в которых рассматриваются теоретические вопросы жанроведения и описываются некоторые речевые жанры. В 2007 г. создана антология речевых жанров, целью которой, по мнению ее авторов, является «накопление материалов к будущей энциклопедии» [6. С. 6].

Энциклопедия речевых жанров, на наш взгляд, может быть создана, но в ней не могут быть учтены все существующие речевые жанры. Представляется, что это будет энциклопедия открытого типа. Ее содержание, как и содержание любого словаря или справочного издания, будет дополняться в связи с развитием языка, науки, техники и с появлением новых форм коммуникации. Она будет обладать большими информативными возможностями, поскольку будет являться носителем информации не только о количестве речевых жанров, их типах, но и служить источником подробных сведений о каждом включенном в энциклопедию жанре. Каждый речевой жанр в энциклопедии будет отражать особенности определенного типа коммуникации и в то же время представлять собой одну из моделей коммуникации в русском национальном языке. Созданная энциклопедия речевых жанров будет иметь большое значение не только для теории коммуникации, но и для социологических, психолингвистических, этнографических, исторических, культурологических, гендерных исследований.

Одним из фрагментов энциклопедии речевых жанров русского национального языка, на наш взгляд, может стать описание речевого жанра автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) по методике анализа речевых жанров, предложенной Т.В. Шмелевой [1], осуществленное с учетом дискурсивных особенностей, специфики материала. Такое описание речевого жанра, на наш взгляд, создает наиболее полное представление об исследуемом речевом жанре.

Описание речевого жанра (далее – РЖ) автобиографического рассказа в данной работе проводится с учетом следующих параметров:

1. Коммуникативная цель РЖ и класс РЖ.
2. Схема РЖ, построение жанра.
3. Темпоральная и пространственная организация текста.
4. Соотношение субъективного и объективного факторов в РЖ.
5. Средства языкового воплощения РЖ.
6. Описание жанроформирующих концептов и выявление ценностной картины мира.
7. Социальные характеристики (гендерная характеристика).

РЖ автобиографического рассказа – комплексный информативный РЖ, коммуникативной целью которого является предъявление информации: рассказ о жизни с момента рождения до момента общения. РЖ автобиографического рассказа в отличие от автобиографии – официального документа обладает неофициальным характером, имеет устную форму существования и не всегда характеризуется соблюдением хронологического порядка при повествовании. Как и в официальном документе, в устных автобиографических рассказах за автором остается право выбора и отбора событий собственной жизни для рассказа.

Основанием выделения изучаемого жанра является относительно устойчивый набор высказываний, повторяющийся у разных информантов, характеризующийся не только тематической, но и композиционной общностью организации текстов. Это позволяет выявить определенную схему представления сообщаемой информации. В текстах, относящихся к РЖ автобиографического рассказа, содержится изложение диалектоносителем информации о себе и собственной жизни, которое, как правило, оформляется по следующей схеме: сообщение о годе, месте рождения: *Родилась я в пятнадцатом году, в Колташеве* (Том. Колп.). Затем сообщается о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи: *родился в семье крестьянина хлебопашца. Семья небольшая, две сестры и три брата нас...* (Том. Колп.); В-третьих, говорящий представляет информацию о переезде, перемене места жительства, объясняет, как оказался в той или иной местности: *...а сюда я уже попал в войну, по мобилизации в трудовую армию в сорок втором году...* (Том. Колп.). Затем следует сообщение о событиях в личной жизни, о сферах деятельности: *Я всю жизнь батрачила. Потом уже, когда взрослая была, училась за одну зиму три года окончила в ликбезе. В детстве мне не удалось учиться... Я вышла замуж, де-*

вятнадцать неполных лет было... Шесть зим я ездила рыбачить. Там я дочку старшую родила... (Том. Колп.). Далее следует информация о детях и их судьбе, о своей жизни в данный момент, о жизни в настоящее время: *Сейчас с дедом вдвоём живём...* (Том. Колп.). Наряду с этой информацией диалектоноситель может подводить итоги жизни, сообщать о смерти как избавлении от болезней и трудностей: *А щас живу, только маюся. Не живу, а небо копчу. Кака это жись, живу одна, как пешка. В одну сторону гляну – ко всем идут, едут, ко мне никого. Всё одна. Праздник одна, и в будень опеть одинешенька. Так и живу. Скорей бы содохнуть* (Том. Бат.). При сообщении о современном периоде жизни встречаются высказывания, в которых говорящий сравнивает современную жизнь с прошлой: *Сейчас жизнь хорошая, радуйся. Сейчас все часы на работе знают, а раньше их не знали, день и ночь работали...* (Том. М. Баб.).

Схематическое представление речевого жанра автобиографического рассказа позволяет определить его основные составляющие элементы. Основными элементами речевого жанра в данном случае считаются наиболее частотные, маркирующие данный РЖ единицы и информационные блоки, которые репрезентируют исследуемый РЖ и повторяются в автобиографических рассказах у разных авторов: личное местоимение «Я», место и год рождения, «мои» родители, учеба, армия / рождение детей, моя семья (муж/жена), работа.

Представленная схема оформления РЖ автобиографического рассказа не всегда «работает», потому что в рассказах может быть нарушена хронология передаваемых событий. Вместе с тем схематическое представление информации исследуемого РЖ, несмотря на возможную вариативность построения текстов, позволяет выявить важную особенность автобиографического рассказа – наличие в нем двух временных пластов: рассказ о жизни в прошлом и отражение настоящей, современной жизни. Отсутствие повествования о будущих событиях, незаконченность автобиографических текстов, их открытость – характерная черта жанра автобиографии. Однако формы будущего времени глаголов используются информантами в рассказах для сообщения о ближайшем будущем, о том, что является предсказуемым: *Никуда не годны, а живем, всё мне девяносто лет скоро будет, осенью будет* (Том. Мельн.).

Повествуя о событиях личной жизни, информант соотносит их временную привязку как с событиями социального характера, так и с

событиями личной жизни. Поскольку человек не может существовать вне времени и пространства, важно рассмотреть и пространственную организацию текстов. Пространство для человека может быть как «своим», так и «чужим». С одной стороны, информант существует в рамках своего личного пространства, с другой стороны, его окружает пространство социума: своего дома, семьи, села, города, страны и мира в целом.

Рассматривая категории пространства и времени, следует указать на то, что все представления и сообщения о событиях, о жизни локализуются в ментальном пространстве – памяти человека.

Категории пространства и времени связаны с соотношением субъективного и объективного факторов в РЖ автобиографического рассказа. С одной стороны, человек живёт в своём субъективном времени и пространстве, а с другой стороны, существует в «большом» времени и «большом» пространстве объективного мира: *Жили мы с Ваней ладно, дружно жили, детишек прижили троих. Да вот беда опять случилась большая. В сорок первом году войну объявили и моего Ваню в первых рядах на фронт отправили...* (Том. Б. Яр). Авторы рассказов постоянно очерчивают два круга отношений с окружающим их миром: отношения, которые формирует сам человек, и отношения, возникающие под влиянием событий социального характера.

Само построение автобиографических текстов можно также рассматривать как соотношение субъективного и объективного факторов в РЖ автобиографического рассказа. С одной стороны, существует регламентированный порядок, объективная композиционная структура и смысловое наполнение жанра автобиографии, а с другой – индивидуальная неповторимая жизнь человека, рассказ о которой пропущен сквозь призму субъективного восприятия.

Схема РЖ автобиографического рассказа и выявленные основные составляющие элементы РЖ способствуют описанию языкового воплощения исследуемого РЖ, определению жанрообразующих средств. Основными средствами, участвующими в образовании жанров, как правило, являются единицы лексического уровня. В РЖ автобиографического рассказа отмечается наличие лексических единиц, обозначающих факт рождения и существования человека; наименований родства; собственных имён существительных (топонимов и антропонимов); лексических единиц, входящих в лексико-семантические поля «обучение», «память», «возраст».

Лексико-семантическое поле «возраст» репрезентируется лексическими единицами и синтаксическими конструкциями, обозначающими периоды детства, молодости, старости.

На морфологическом уровне отмечается употребление количественных, порядковых, собирательных числительных для обозначения года, дня рождения, возраста, количества человек в семье, даты, определяющей важные события в жизни говорящего, времени, в течение которого совершалось какое-либо действие, происходило то или иное событие.

Используются личное местоимение первого лица единственного числа, притяжательные местоимения *мой, свой, наш*, определительное местоимение *сам (-а, -и)*, глаголы в форме первого лица единственного числа, что является показателем яркого личностного начала как одной из характерных черт жанра автобиографии.

Схематическое представление речевого жанра автобиографического рассказа позволяет выявить представления о жизненных ценностях и жанроформирующие концепты.

Центральное место в ценностной модели мира, отражённой в автобиографическом рассказе, занимают жизнь и связанные с ней социальные, материальные ценности (работа, семья, материальный достаток, здоровье, молодость, хорошие отношения с родственниками и близкими людьми, отсутствие войн).

Одной из особенностей языкового воплощения автобиографического рассказа является использование единиц, описывающих существование человека. В группу средств, определяющих существование человека и репрезентирующих жанр автобиографии, входят единицы концепта «жизнь». Кроме лексической единицы *жизнь* для обозначения существования человека используется лексема *век*: *Теперь уж свой век доживаем, здоровья нет...* (Том. Бат.). План выражения концепта «жизнь» представлен также глаголом «жить» и образованными от него формами: *прожить, дожить, пережить, выжить, пожить, нажить, зажить, обжиться, разжиться* и др. С помощью этих глаголов авторы автобиографических рассказов обозначают периоды жизненного пути, существование, те или иные изменения в жизни: *...мы там год прожили, началась война. Его взяли. Ещё два года прожила, потом приехала опять сюда к своим. Так и не выезжала никуда* (Том. Зыр.). Существование человека эксплицируется также номинациями: *быть, маяться, горе мыкать, мучиться, голодовать* и др.

Наиболее частотными для автобиографических рассказов являются контексты с указанием на место, время существования человека, совместное проживание, качество жизни, материальное положение, что и определяет ядро концепта.

Используя единицы, описывающие существование, информанты обычно оценивают образ жизни. Образ жизни характеризуется по следующим параметрам: материальному положению, социальному положению, качеству жизни, степени образованности, культуры, состоянию в браке, совместному проживанию, месту проживания, качественным характеристикам, форме хозяйствования, роду деятельности, временному промежутку.

Для описания жизни в то или иное время диалектоносители используют собственно диалектные структуры со свернутыми событийными пропозициями существования, действия: «жить чем-либо», «жить на чём-либо».

Жизнь как существование человека имеет две границы – рождение и смерть, поэтому в автобиографических рассказах информанты повествуют не только о рождении, но и размышляют о предстоящей смерти: *Здесь родились, здесь теперь и умирать будем...* (Том. Бат.).

Жизнь воспринимается диалектоносителями как существование. Однако одна из особенностей речевого жанра автобиографического рассказа в диалектной коммуникации – представление жизни как понятия, синонимичного работе. Считается, что живут хорошо там, где работают: *А та семья, где уважают труд, – превосходно живут...* (Том. Бат.).

Труд, работа, как и жизнь, являются концептом, структурирующим РЖ автобиографического рассказа. В речевом жанре автобиографического рассказа зафиксировано как позитивное, так и негативное отношение к труду, а основные представления о работе связаны с пониманием ее как неотъемлемой части жизни крестьянина, источнике заработка и содержания семьи: *Потом возвратился с армии, опеть сюда же, в Баткат. Занялся своим хозяйством. Наша крестьянская жизнь – пашня* (Том. Бат.); *Народ-то хорошо стал жить, и мы в том числе, работали хорошо и жили хорошо* (Том. Б. Яр).

Гендерный параметр в описании РЖ автобиографического рассказа позволяет выявить характерные особенности исследуемого РЖ, различное наполнение выделенной схемы жанра и предоставляет возможность определения особенностей женской и мужской речи.

Все речевые жанры, по мнению исследователей, можно упорядочить относительно гендерной шкалы, по краям которой находятся типично мужские РЖ и типично женские РЖ соответственно, а в середине располагаются «так называемые андрогинные и гендерные жанры, где взаимно силен как маскулинный, так и фемининный компонент» [6. С. 128]. РЖ автобиографического рассказа, с этой точки зрения, располагается в середине гендерной шкалы, и следует отметить, что тексты, независимо от родовой принадлежности, вписываются в выделенную схему данного РЖ, но различаются характером передачи информации, ее качеством. Мужские тексты преимущественно характеризуются большей детализацией при рассказе о работе, а меньшая часть повествования посвящена семье. Женские тексты, главным образом, сосредоточены на рассказах о создании семьи, о семье, о работе. Автобиографические рассказы женщин включают большее количество оценочных высказываний и отличаются наличием пословиц, частушек. Мужские тексты содержат большее количество фактов и выделяются точностью за счет использования географических названий, дат с указанием года, дня, месяца того или иного события.

Приведем пример одного из автобиографических рассказов.

ВОЛКОВА АГАФЬЯ ФЕДОРОВНА, 1914 г.р., г. Колпашево.

Родилась в Парабели. Я в школе не была ни одного дня, и пока дети мои не пошли, я не видела партов никогда. Вышла замуж за здешнего, за колпашевского, поэтому с 1935 я живу в Колпашево. Замуж выходила как все, были молодые, таки же мы не были. Были молодые, таки же хорошеньки, как вы.

Я с детства без родителей одна: ни сестры, ни брата, никого нет у меня. Я с тетей воспитывалась, и с тетей с такой, что она была тетей еще маме моей, а мне бабушкой или прабабушкой была. Вот я с ней и воспиталась. А замуж, за которого вышла я, он работал на пароходе. Познакомились, и он меня сюда и привез, вот с тридцать пятого года я здесь и живу. Муж погиб на фронте у меня. Я работала ни в одной организации, в четырех за свою жись работала. Работала в Колпашторге, потом, значит, в больнице, потом в детсаду работала. Заболела, потом пошла в охрану работать сторожем, оттуда ушла на пенсию. Скоро семьдесят мне будет. Два сына у меня. Дети выросли, сходили в армию, отслужили свое, приехали, женились и теперь живут в Колпашево.

На основе результатов анализа РЖ автобиографического рассказа в диалектной коммуникации возможно, на наш взгляд, представить образец статьи энциклопедии речевых жанров:

Автобиографический рассказ (далее – АР) в диалектной коммуникации – комплексный информативный речевой жанр, устный рассказ о жизни с момента рождения до момента общения (как правило, спровоцированный).

Типичный АР содержит информацию о годе, месте рождения, о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи, о переезде, перемене места жительства, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время. За автором остается право выбора и отбора событий для рассказа о собственной жизни.

Тексты характеризуются не просто традиционным сообщением фактов, а наличием дополнительной информации к повествованию о событиях жизненного пути, рассказов о случаях, фрагментов, после которых не всегда возможно возвращение к основному повествованию.

Хронология передаваемых событий может быть нарушена, рассказ о событиях прошлого может сменяться повествованием о жизни в настоящее время и наоборот. Повествование ведется от первого лица.

Структурируют речевой жанр АР концепты «жизнь» и «работа». Одной из особенностей представления о жизни в АР является взаимопроникновение этих двух концептов.

Основные жанрообразующие средства – личное местоимение 1 л. ед. ч., глаголы в форме прошедшего времени совершенного и несовершенного видов, наиболее частотными из которых являются глагол «родиться» и другие конструкции, указывающие на существование человека, глаголы и конструкции, обозначающие деятельность, труд человека в течение жизни. Повествование о событиях прошлого может вестись с помощью глаголов в форме прошедшего и настоящего времени. Формирующими жанр средствами являются числительные, собственные имена существительные (антропонимы, топонимы), лексические единицы, обозначающие наименования родства, единицы, входящие в лексико-семантические поля «учёба / образование», «память».

АР мужчин характеризуются преимущественно большей детализацией при рассказе о работе, а меньшая часть повествования посвящена семье. АР женщин, главным образом, сосредоточены на рассказах о

создании семьи, о семье, о работе. Автобиографические рассказы женщин включают большее количество оценочных высказываний и отличаются наличием пословиц, частушек. Мужские тексты содержат большее количество фактов и выделяются точностью за счет использования географических названий, дат с указанием года, дня, месяца того или иного события.

Литература

1. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов, 1997. – С. 91–96.
2. Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспект. – Ч. 2: Теория и практика современной письменной речи: материалы конф. – Барнаул, 2003. – С. 91–99.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 428–473.
4. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 103–111.
5. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 26–31.
6. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.

О.С. Михайлова

К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ МОТИВАЦИОННОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

В статье рассматривается мотивационный поэтический словарь, представляющий употребление мотивации в поэтическом языке как таковом и мотивационный словарь одного автора, анализируются задачи обоих словарей, исследуются проблемы их построения, даются образцы словарных статей мотивационных поэтических словарей двух типов, намечаются перспективы дальнейшего изучения вопроса построения мотивационных поэтических словарей.

Ключевые слова: мотивология, лексикография, лингвистическая поэтика, стилистика.

Мотивационный поэтический словарь относится к словарям, отражающим функциональный аспект мотивационно связанных единиц (пар, цепочек, блоков). Созданная на сегодняшний день эмпирическая база в виде проанализированных творческих массивов разных авторов (О. Мандельштам, Б. Пастернак, М. Цветаева, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и др.) позволяет детально разработать концепцию мотивационного поэтического словаря.

Назначение данного типа словаря можно рассматривать в разных аспектах. Во-первых, с точки зрения мотивологии словарь отражает специфику функционирования мотивации в художественном тексте. Во-вторых, с точки зрения лингвистической поэтики расширяет представление о способах «художественного преобразования» (В.П. Григорьев) языка. В-третьих, с позиций идиостилистики дает возможность исследовать индивидуальность словоупотребления того или иного автора.

Исходя из этого мотивационные поэтические словари могут быть двух типов: 1) мотивационный поэтический словарь, построенный на исследовании творчества многих поэтов и, следовательно, представляющий употребление мотивационно связанных слов (МСС) в поэтическом языке как таковом; 2) мотивационный поэтический словарь одного автора, представляющий употребление МСС

в каком-либо идиостиле (здесь же можно говорить о мотивационных словарях одного произведения).

Мотивационный поэтический словарь первого типа может быть сравним с опытом словаря языка русской советской поэзии [1]. Словарь представлен как словарь-справочник, который должен фиксировать «контекстуальные сдвиги значения», «приращения смысла» у слов в художественных контекстах, но задачей которого не является отражение общего идейно-художественного смысла как целого произведения, так и всего творчества художника [1. С. 49].

В соответствии с замыслом словаря словарная статья отказывается от обычной для толковых словарей семантической разработки значений и опирается на систему рубрик (имеющих наименования различных тропов и приемов) как систему поэтических характеристик, систему способов преобразования слова (всего 31 опорная рубрика) [1. С. 114–125]. Мотивационный поэтический словарь может позаимствовать данную систему рубрик (с определенными оговорками) за тем исключением, что не рубрики будут следовать за словами, а слова будут находиться внутри рубрик.

Образец словарной статьи мотивационного поэтического словаря первого типа может быть следующим:

ПРИЕМ «ОЖИВЛЕНИЯ» ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Мирозданье – зданье. *С избытком мне хватало недознания. / Я просто шла, чтобы услышать звук, / я не бросалась в прорубь мирозданья, / да зданье ли – весь этот бред вокруг* (Б. Ахмадулина. *Шум тишины*, 1987).

Одуванчик – дуновенье. *Идеи с быстротою одуванчиков / от дуновенья жизни облетали* (Е. Евтушенко. *Ирония*, 1961) (Мтф.).

Яблоки – падать – яблокопад (оказ.) **Яблоки падали.** / **Яблок было – гребь лопатой!** / **Я на коленях брал эти яблоки/яблокопада, яблокопада** (А. Вознесенский. *Создатель*, 1981) (Ключ. сл.).

Разделение словаря на рубрики, имеющие названия различных стилистических фигур и тропов («антитеза», «индивидуально-авторская мотивация», «метафора», «прием «оживления» внутренней формы слова» и др.), внутри которых в алфавитном порядке дается перечень МСС, призвано отразить специфику поэтического использования мотивации. Поскольку существует тяготение тех или иных языковых средств к выражению определенных стилистических

приемов, то словарь мог бы стать существенным подспорьем в изучении специфики данных поэтических приемов, выраженных именно мотивационными сцеплениями. Особенно актуально это в связи с тем, что МСС как языковое средство являются основой создания многих стилистических фигур, при этом их выражение «за счет МСС, в отличие от других языковых средств, имеет свои особенности, а в иных случаях и преимущества» [2. С. 4].

Данное построение словаря, массив которого разделен на рубрики, имеет своими истоками опыты словарей отдельных тропов как в литературном языке, так и в поэтическом языке отдельных авторов. Например, «Словарь эпитетов русского литературного языка» (К.С. Горбачевич), словари метафор В. Маяковского, С. Есенина (Н.А. Туранина), словарь тропов И. Бродского (В.П. Полухина, Ю.К. Пряш) и др. Внимание последних словарей сосредоточено на неповторимых отклонениях от стандартного словоупотребления, на эстетически значимых словоупотреблениях, что актуально и для мотивационного поэтического словаря.

В словаре предполагается наличие двух справочных зон. Первая (идущая вслед за мотивационной сцепкой или за одним из ее членов) содержит систему помет, характеризующих МСС как взаимосвязанные лексемы, т.е. взаимосвязанные элементы языка. С этой точки зрения актуальными могут быть следующие пометы: окказ. (окказионализм), устар. (устаревшая лексическая единица), разг. (разговорное слово), высок. (слово высокого стиля) и др. Лексические и стилистические характеристики членов мотивационной сцепки дают представление о типичном и индивидуальном в построении мотивационных приемов.

Система помет в справочной зоне может быть разной в зависимости от специфики мотивационных поэтических приемов. Например, для приема антитезы существенными будут пометы «Общ.-яз. ант.» (общеязыковые антонимы) и «Контекст. ант.» (контекстуальные антонимы) (см. ниже образец словарной статьи мотивационного словаря второго типа). Данные пометы характеризуют особенности построения антитез на основе МСС.

Вторая справочная зона словарной статьи (информация, идущая вслед за контекстом в скобках) содержит систему помет, характеризующих МСС как экспрессему (экспрессоид), т.е. единицу поэтического языка (В.П. Григорьев). Так, мотивационная пара «одуван-

чик – дуновенье» имеет в справочной зоне помету «Мтф». Это означает, что прием осложняется здесь метафорой (*дуновенье жизни*), причем метафора эксплицируется с помощью семантической мотивации: прямое значение – *одуванчики*, переносное – *дуновенье* жизни. Данная мотивационная пара, следовательно, может быть повторена в рубрике «метафора» словаря, но уже без контекста и со ссылкой на рубрику «прием «оживления» внутренней формы слова». Такая же система действует в отношении мотивационной цепочки «яблоко – падать – яблокопад», имеющей в справочной зоне помету «Ключ. сл.» (прием «ключевые слова»).

Распределение МСС по рубрикам представляет собой своего рода абстракцию, поскольку в реальных текстах изолированные приемы относительно редки. Поэтому вторая справочная зона призвана отразить полифункциональность мотивационных сцепок. Фиксирование же МСС в той или иной рубрике базируется на понимании так называемой «сильной позиции преобразования» или на «центре экспрессии» [1. С. 69], хотя данный вопрос, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке.

Словарная статья мотивационного поэтического словаря второго типа может быть такой же, как и статья словаря первого типа, поскольку исследование закономерностей в использовании тех или иных приемов в творчестве автора дает представление о характере его идиостиля. Однако анализ идиостиля не останавливается на выявлении приемов (механизмов, способов) использования мотивации. Каждый поэтический прием несет свое задание в художественном тексте, благодаря чему его применение получает свое «эстетическое оправдание» (В.М. Жирмунский), или эстетическую функцию элементов поэтического языка, которая должна определяться с опорой на мировоззрение автора, на содержание его художественных произведений, на понимание идейно-эстетического замысла писателя (М.Н. Кожина, Ю.М. Лотман).

Решение данной проблемы может быть найдено, если обратиться к существующей концепции мотивационного поэтического словаря, предполагающей интерпретационную зону в структуре словарной статьи [3. С. 297–300]. Интерпретационная зона включает в себя литературоведческий и лингвопоэтический анализ произведения, в котором используются мотивационные сцепки. Объем данного анализа может варьироваться в зависимости от роли, которую выполняют в

тексте МСС. Отсутствие интерпретационной зоны словарной статьи в предлагаемой концепции обусловлено соображениями объема словарного издания. Кроме того, аналитические комментарии к мотивационным приемам неизбежно субъективны, что не согласуется с принципами словаря как жанра справочного характера, главной целью которого является представление объективной информации.

Проблема отражения содержательной направленности художественных приемов в мотивационном поэтическом словаре может быть решена путем дробления рубрик на разделы, обозначающие функциональную ориентацию мотивационных приемов.

Анализ функциональной ориентации различных приемов использования мотивации (особенно тех, которые наиболее предпочтительны для автора) дает представление о роли мотивации в формировании специфики поэтического мирозобраза автора. Понятие поэтического мирозобраза представляет собой особую форму обобщенного художественного восприятия действительности. Отраженная автором действительность, объективно существующая или вымышленная автором, всегда включает определенные компоненты, такие как окружающий мир, каким его видит автор, человек и его место в этом мире, лирический герой и его отношения с окружающим миром и миром других людей. Это своеобразные «семантические константы» [4. С. 6], опираясь на которые можно составить представление о поэтическом мирозобразе автора. Поэтому, анализируя мотивацию как лингвистическую доминанту идиостиля, важно исследовать функции мотивации в текстах автора, связанные с характеристикой окружающего мира, человека и лирического героя, что позволит выявить, какую роль играет мотивация в формировании индивидуального мирозобраза автора.

Разделение рубрик мотивационного поэтического словаря на описанные выше функции базируется на принципе семантических разделов, семантических полей некоторых современных поэтических словарей. Так, «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (М., 1999) использует разветвленную систему семантических рубрик, в рамках которых представлены парадигмы образов русской литературы XVIII–XX вв. Например, раздел «живые существа» включает подразделы «человек», «животные», «птицы» и др., каждый из которых, в свою очередь, включает ряд других, более конкретных рубрик. Как отмечает Н.В. Павлович, «рубрикация словаря

дает ответ на вопрос, о чем образы, созданные русской словесностью, и, фактически, описывает тезаурус (словарь понятий) русского образного языка» [5. С. 32]. Тот же принцип семантического поля положен в основу работы Н.А. Кожевниковой и З.Ю. Петровой «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» (М., 2000). В преломлении проблемы индивидуального стиля опыт семантической рубрикации был использован в «Словаре поэтических образов Александра Городницкого» Е.В. Купчик (Тюмень, 2006). Автор отмечает, что «словарь поэтических образов позволяет представить целостный художественный мир автора, определить его творческие приоритеты, понять особенности поэтического мировидения» [6. С. 4]. Таким образом, данные словари дают возможность перейти от плана выражения к плану содержания при анализе как в целом поэтического языка, так и поэтического языка какого-либо автора. Основополагающие функции мотивационных приемов в соответствии с принципами данных словарей также могут быть семантически детализированы, что позволит более выпукло представить содержательную направленность мотивационных приемов.

Нижеследующий образец словарной статьи мотивационного поэтического словаря одного автора составлен на основе творчества Е. Евтушенко, неотъемлемой частью идиостиля которого является использование мотивации.

АНТИТЕЗА (109)¹

Функция «Характеристика окружающего мира» (64)

Недоверие – доверие (Общ.-яз. ант.) *О, взмах руки, – ничем ты не растлим / средь века, / так больного недоверием, / доверья изначального инстинкт (Взмах руки, 1960).*

Ультраправость – ультралевость (Окказ.). *Вся эта ультраправость, ультралевость / рутиной одинаково разят (Мне чужды экстремисты..., 1972–1975).*

Функция «Характеристика человека» (12)

Детский – недетский (Общ.-яз. ант.) *...Лицо было в детских веснушках, / и в морщинах – недетских совсем (Итальянские слезы, 1964).*

¹ Стоящие напротив рубрики и ее разделов цифры обозначают количество мотивационных сцепок, использующихся автором в 630 стихотворениях.

Приличный – неприличный (Общ.-яз. ант.). *Женицина укрывлась за ореишник. / Стоя у обрыва на краю, / прятала в **приличные** одежды / юность **неприличную** свою (Женицина расчесывала косу, 1966).*

Функция «Характеристика лирического героя» (13)

Немолодость (оказ.) – молодость. *...И у меня в душе в неравной схватке / **немолодость** и **молодость** сошлись. / Все резче эта схватка проступает. / За пядью завоевывая пядь, / **немолодость** угрюмо наступает, / и **молодость** не хочет отступить (Сквер величаво листья осыпал, 1957).*

Свет – беспросветность (Общ.-яз. ант.). *...Если есть во мне какой-то **свет**, / то из ее души / его я добыл / и только **беспросветность** дал в ответ (Свидание в больнице, 1972).*

Таким образом, создание мотивационного поэтического словаря сталкивается с целым рядом концептуальных (общетеоретические принципы организации) и частных (условности технического оформления статей) вопросов. Дальнейшая детальная проработка концепции словаря, прежде всего, требует построения системы мотивационных приемов и создания метаязыка для описания каждого из них, а также более глубокого анализа функциональной ориентации приемов использования МСС (спектр функций может быть более детализированным). Проблемы определения достаточных границ контекста, особенно если речь идет о приемах на основе дистантной мотивации, связаны с необходимостью «нейтрализовать антиномию: объем словаря (по необходимости ограниченный) – контекст (которым для многих художественных словоупотреблений, вообще говоря, является целиком все произведение)» [1. С. 100]. Разработка системы стилистических и лексических помет, решение вопроса приоритетности функций мотивации, формы подачи сложных мотивационных сцеплений (мотивационный блок, прием объединения мотивационных сцепок и др.) и многие другие вопросы предстоит решить в ходе создания мотивационного поэтического словаря.

Литература

1. *Поэт и слово: Опыт словаря* / М.А. Бакина, Л.А. Владимирова, В.П. Григорьев, М.В. Найденова, Е.А. Некрасова, В.В. Пчелкина / под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1973. – 455 с.

2. Блинова О.И. Мотивационная «одежда» стилистических фигур // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (филология). – Томск, 1998. – Вып. 6. – С. 3–5.
3. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – 2-е изд., стер. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – 394 с.
4. Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 198 с.
5. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: В 2 т. – Т. 1. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 848 с.
6. Купчик Е.В. Словарь поэтических образов Александра Городницкого. – Тюмень: Мандр и Ка, 2006. – 140 с.

В.М. Мокиенко

ПРИНЦИПЫ ЛАРИНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В ТРЕХТОМНОМ БОЛЬШОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОВ И СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье излагаются основополагающие принципы лексикографирования, разработанные профессором Б.А. Лариным и его школой: принцип полноты словника, принцип комплексного описания вокабул, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип историзма. Они стали руководством при составлении трёхтомного «Большого словаря пословиц, поговорок и сравнений русского языка» (2008–2010 гг.). Его авторы (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева) последовательно ориентировались на эти принципы, учитывая как специфику описываемого материала, так и конкретные ограничения, заданные им. Общий объем паремий, описанных в словаре, 155 000.

Ключевые слова: лексикография, Б.А. Ларин, Большой словарь пословиц, поговорок и сравнений русского языка, принципы лексикографирования.

Ленинградских / петербургских и томских словарников многое объединяет. Общие подходы к системе описания слова, лексикографический максимализм, стремление органически сочетать современную лингвистическую теорию со словарной прагматикой, внимание к семантическим, стилистическим и локальным нюансам формы и содержания, закодированных в лексике, – всё это и многое другое роднит Ларинскую и Томскую лексикографические школы.

Одна из доминант нашей научной деятельности – это внимание к живому слову. Монументальный труд томских лексикографов «Комплексное исследование русских говоров Среднего Приобья (1964–1995 гг.)», удостоенный Государственной премии, и «Полный словарь сибирского говора» (1992–1995) (далее – ПССГ) [1], Вершининский словарь стали и остаются альфой и омегой отечественной лексикографии, нацеленной именно на выявление закономерностей живой речи. Не случайно главным объектом изучения томских лингвистов являются территориальные диалекты. Многие, что потом было перенесено на принципы лексикографической разработки литературной, общеразговорной, просторечной лексики, образных

средств русского языка и т. д., рождалось и выкристаллизовывалось здесь, в Томском университете, в диалектологических экспедициях, в живой лаборатории, где куётся народное Слово во всём его многоцветии. И наша послевоенная ленинградская лексикография ларинского извода начиналась именно со словарного описания русских говоров. Б.А. Ларин уже в конце 1940-х гг. начал разработку принципов «Псковского областного словаря с историческими данными» (далее – ПОС) [2], во многом определившего принципы и практику разработки всех наших словарей. На ПОС [2] мы, ларинцы, учились и продолжаем учиться.

Принцип полноты, сформулированный и воплощенный в словарях разного типа Б.А. Лариным, доказал свою состоятельность (см.: [Мокиенко, 1999]). А ведь именно этот принцип и стал камнем преткновения в 1960-е гг., когда глава академической лексикографии Ф.П. Филин именвал и наш ПОС, и «Полный словарь сибирского говора» *синей птицей*, считая единственно возможным жанром диалектографии лишь словарь дифференциальный.

Да, мы, ленинградские и томские ларинцы, погнались за синей птицей, и она оказалась не синицей, а настоящим журавлём в руках наших читателей – ценителей народного слова. Полный словарь позволил показать живое русское слово во всей его полновесности, во всех «обертонах смысла», во всех словообразовательных и фразеологических ипостасях. Разумеется, это потребовало напряжённого, постоянного труда, создания миллионных картотек живой речи, регулярных выездов в поле и неизбежных хлопот при издании каждого тома наших словарей. Но ПОС [2] и ПССГ [1] опубликованы, по их материалам написаны монографии и диссертации, а самое главное – синяя птица русских диалектов, попавшая в сети мощных катаклизмов после коллективизации и разорения русской деревни, осталась живой и реальной благодаря её полному живописному лексикографическому воспроизведению.

Сопоставляя результаты работы петербургских ларинцов и учеников О.И. Блиновой, легко найти диалектическую переключку идей, методов словарной работы, способов собирания материалов живой речи и их обработки. Может, именно поэтому и масштабы результативности наших школ весьма соразмерны и сопоставимы.

Понятно, что на Томской конференции также будут подводиться итоги работы членов Томской лексикографической школы и наме-

чатся планы на будущее. Заявленная мною тема – один из аспектов такой работы, но в нём отражаются общие доминанты нашей лексикографии, прежде всего – стремление к полноте описания языковых фактов, комплексность их воспроизведения в словарях и детализированность семантической и локальной характеристики. Это, собственно говоря, и есть основополагающие принципы лексикографирования, разработанные проф. Б.А. Лариным и его школой: принцип полноты словника, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики, принцип комплексного описания вокабул. Именно эти принципы стали руководством при составлении трёхтомного «Большого словаря пословиц, поговорок и сравнений русского языка» [3, 4, 5]. Его авторы (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина и Е.К. Николаева) последовательно ориентировались на эти принципы, учитывая как специфику описываемого материала, так и конкретные ограничения, заданные им. Общий объём паремий, описанных в словаре, – 155 000, т.е. более чем в 7 раз больше, чем в знаменитом многократно переиздаваемом паремиологическом собрании В.И. Даля «Пословицы русского народа» [6], впервые увидевшем свет в 1861–1862 гг. Картотека для наших словарей, насчитывающая около 300 000 единиц, создавалась более чем 40 лет и хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина (СПбГУ).

Источники картотеки и, соответственно, наших словарей различны. Во-первых, это извлечения из большинства собраний русского фольклора; во-вторых, материалы из произведений классической и современной литературы; в-третьих, фиксация живой фразеологии из средств массовой информации (публицистики, радио, телевидения и Интернета); в-четвертых, пословицы, поговорки и сравнения из литературных, фразеологических, диалектных и жаргонных словарей и картотек; наконец, материал из наших собственных записей современной речи и ответов на анкеты по специальной авторской программе. Картотека и её компьютерная обработка, как кажется, и дали возможность сделать почти полную выборку яркого по образности материала, отражающего жизнь русского народа во многих её аспектах и демонстрирующего связь русского языка со славянскими и неславянскими языками Европы.

Многие принципы лексикографической обработки русских поговорок авторами этого Словаря были отработаны при составлении свода пословиц и поговорок Псковщины [7]. На его составление нас подвиг бесценный опыт составителей региональных словариков русской народной фразеологии, издававшихся в Самаркандских научных сборниках в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Л.И. Ройзензоном и его сотрудниками [8, 9, 10]. По примеру самаркандских диалектологов-фразеологов в 1970-х гг. и позднее создаётся несколько словарей севернорусской народной фразеологии. К ним относится фразеологический словарь русских говоров Сибири [11, 12], составленный коллективом новосибирских фразеологов под руководством А.И. Федорова; ценное собрание пермских народных выражений К.Н. Прокошевой [13, 14], «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» И.А. Кобелевой [15] и «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной [16]. Ярким и уникальным «Словарь образных слов и выражений народного говора» О.И. Блиновой, С.Э. Мартыновой и Е.А. Юриной под ред. О.И. Блиновой, выдержавший 2 издания [17, 18]. Его материалы, как и другие словари, созданные томскими лексикографами, также стали ценным источником наших словарей.

1. Принцип лексикографической полноты

Уже сам объём пословиц и поговорок, описанный в петербургском паремиологическом трёхтомнике, является материализацией принципа лексикографической полноты, объединяющего ларинскую школу со школой О.И. Блиновой. Наш словарь создан в **жанре паремиологического тезауруса**. Разумеется, воплощение принципа полноты в каждом отдельном словаре трёхтомника имело свою специфику, вызванную структурно-семантическими особенностями пословицы, поговорки и устойчивого сравнения. Этот факт обусловил и то, что в некоторых случаях между тремя томами нашего паремиологического тезауруса читатель может найти определённые пересечения. Таково, в частности, «дублетное» описание языковых единиц, имеющих компаративную структуру, во втором томе нашего тезауруса – «Большого словаря русских народных сравнений» [4] и в третьем томе – «Большом словаре русских пословиц» [5]: *Хозяин в дому как Аврам в раю; Деньги что галки: всё в стаю сбиваются; В монастыре что в лавке: всё за деньги; Несолоно хлебать, что немилую целовать; Дураку наука что ребёнку огонь; За красую как за*

ягодой: *в лесок не сбегаешь* и т. п. При этом, однако, такое описание в каждом из них специализируется, поэтому полной дублетности таких паремий нет.

В трёх томах нашего словаря даётся синтетическое описание общенародной фразеологии национального языка, т.е. в один словарный корпус включены как идиомы народного происхождения, «заквашенные» на собственно русском духе, так и фразеологизмы литературного происхождения, включающие и многие обороты интернационального (resp. общеевропейского) происхождения. Нашей целью было дать максимально полный свод русской национальной идиоматики во всех её функционально-стилистических сферах – литературной, публицистической, диалектной, разговорно-просторечной, субстандартной и профессиональной. Собственно, и здесь мы во многом следовали максималистскому принципу Б.А. Ларина. Такой подход, вытекающий из традиций европейской лексикографии, является продуктивным уже потому, что даёт возможность лексикографически представить ту или иную часть национального языка как относительно полную систему. На материале русских пословиц, поговорок и сравнений такая попытка и сделана в нашем трёхтомнике.

2. Принцип точной паспортизации материала

Паспортизация описываемых языковых единиц, педантично точное указание на их источник, вытекает из принципа полноты. Этот принцип позволяет локализовать каждую пословицу и поговорку в наших словарях во времени и пространстве, что является, с нашей точки зрения, их существенным отличием от многих словарей и русских собраний паремиологии, где такая информация не представлена.

Особенно целенаправленно паспортизировались извлечения из множества русских диалектных словарей XIX–XX вв. Расцвет русской диалектографии послевоенного периода, стимулированный программой лингвистического атласа, дал всем, кого интересует наше народное Слово, свежий фактический материал. Для паремиологов столь ценный источник, как диалектные словари и картотеки центров региональной лексикографии России (Москва, Петербург, Псков, Новгород, Смоленск, Вологда, Волгоград, Саранск, Новосибирск, Томск, Омск, Иркутск и др.), оказался не только заманчивым объектом пополнения сокровищницы наших пословиц, но и весьма «твёрдым орешком» для практической работы. Ведь во многих диа-

лектных словарях пословицы, в отличие от поговорок (resp. фразеологизмов), лексикографически не маркируются, входя (по классическому примеру «Толкового словаря» В.И. Даля) в иллюстративную, контекстную их часть. Поэтому искателю пословичных жемчужин приходилось с головой нырять в глубины контекстной части этих словарей, внимательно, строчка за строчкой, вчитываясь в текст диалектных иллюстраций, чтобы не упустить ни одной современной паремии, сокрытой в раковинах живой речи. Составители настоящего словаря именно так и поступали, многие годы регулярно «переваривая» диалектный материал, постоянно поступающий из медленно, но верно выходявших многотомных «долгостройных» словарей или небольших, но быстро выпускавшихся региональных словариков.

Такая чрезвычайно трудоёмкая работа не только значительно пополнила паремиологический фонд русского языка, накопленный с XVII в. многочисленными собирателями «малого жанра» нашего фольклора, но и — что кажется первостепенно важным — позволила достаточно точно определить пространственные границы многих пословиц и их вариантов.

3. Принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц

В нашем словаре каждая пословица **предельно точно локализуется на географической карте России**, что также кардинально отличает его от паремиологических собраний наших предшественников, где источник описываемых пословиц и поговорок, как правило, точно не указывается, а в лучшем случае к словарю или сборнику прилагается список использованной литературы. Региональные же пометы в русских собраниях пословиц и поговорок — это лишь отдельные глоссы обобщающего характера: даже в надёжном сборнике М.А. Рыбниковой [19], где попытка регионального «опомечивания» проводится достаточно последовательно (хотя и далеко не полно), оно делается лишь «крупномасштабно», пометами типа *севернорус.*, *южнорус.*, *центральные обл.* Материал настоящих словарей показывает относительность и неточность такой обобщённой региональной характеристики и значительно расширяет её для паремий, описанных М.А. Рыбниковой. Для нас, составителей трёхтомного словаря, точная паспортизация каждой поговорки и пословицы не только и даже не столько показатель аутентичности описываемых паремий. Главная цель такой паспортизации — дать читателю максимально

точную и полную их хронологическую и пространственную характеристику.

Пространственная (ареальная) характеристика выражается здесь эксплицитно: после вокабульной части словарей даются (по мере возможности, обеспечиваемой нашими источниками) локальные пометы, характеризующие место фиксации пословиц в использованных источниках. В случаях, когда ряд источников велик и цепь локальных помет была бы излишне пространна и пестра, ареальная характеристика имплицитно «закодирована» в точном приведении самих источников и может быть при необходимости легко воспроизведена самим читателем на их основе.

Хронологическая характеристика достигается имплицитно – путём точной паспортизации источников, которые расположены в **хронологическом порядке**. Именно поэтому на первых «паспортизационных» местах здесь оказываются такие источники, как П. Симони (Сим.), отразивший русскую паремиологию XVII–XIX вв., Тонниес Фенне, Н. Курганов, А. Барсов (1770), А. Богданович, А.И. Богданов и т. д., а на последних – новейшие сборники русских пословиц и поговорок, современные общие диалектные словари или паремиологические исследования, в которых представлен оригинальный и свежий материал. Весьма трудоёмкой оказалась сплошная выборка пословиц и поговорок из наших исторических словарей, составление которых медленнее, но верно движется к концу. Такие словари, как «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [20]; «Словарь русского языка XVIII в.» [21]; «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» [22]; «Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника» [23], были расписаны полностью, а «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [24] – выборочно, при отсутствии соответствующих материалов в вышеназванных словарях. Поскольку в исторических словарях (как, впрочем, и во многих общих и диалектных) пословицы специально не выделяются в корпусе, выборка паремий здесь делалась исходя из принятой дефиниции этой языковой единицы. Тем самым мы смогли хронологическую характеристику русской паремиологии углубить до XI в. – начиная с летописных источников и таких произведений древнерусской литературы, как «Изборник» Святослава (1073, 1076). Точные отсылки на соответствующие источники весьма важны уже и потому, что компоненты

пословиц, в них включённые, дефинируются лучшими специалистами по древнерусскому языку.

С источниковедческой паспортизацией связана и проблема корректного отражения формы фиксируемых в разных источниках пословиц и поговорок. Разнобой в орфографии и пунктуации в них весьма велик, и сохранять все разночтения было бы и неуместно и невозможно. Поэтому основным направлением здесь являлась унификация орфографии и пунктуации по принятым ныне правилам.

Таким образом, корректная паспортизация каждой пословицы становится её точным ориентиром в пространстве и времени. Она также позволяет не только весьма надёжно определить, откуда тот или иной лексикограф черпал свой материал, но и – что особо важно – насколько корректно он использовал такой материал и сколь велика его «корректировка» в современных «олитературенных» попытках его описания.

Многие словарные статьи нашего словаря благодаря аутентичности отражения первоисточников представляют собой **своеобразные палимпсесты**, вскрывая слои которых внимательный читатель может добраться до первоисточника с его истинной формой и семантикой. Тем самым словарь даёт концентрированный материал для историко-этимологических и текстологических исследований нашего пословичного наследия. В какой-то мере наш точно паспортизированный материал станет подспорьем и для паремиологических «Шерлоков Холмсов», поскольку с его помощью весьма легко установить, кто у кого «похитил» или просто «взял напрокат» ту или иную пословицу или поговорку. Ведь в европейской (в том числе и русской) популярной паремиологии существует немало «самозванцев», претендующих на приоритет в отражении той или иной пословицы, в то время как она в ходу уже несколько столетий.

Точная паспортизация материала особенно ценна и тем, что позволяет математически точно доказать поразительную «живучесть» фольклора малого жанра во времени и пространстве. Многие русские пословицы, зафиксированные более трёх веков назад и хранимые в архивах, картотеках или старых паремиологических собраниях, продолжают жить на обширной территории России, их употребляют в заброшенных деревнях Архангельщины, Псковщины или Сибири. Вот лишь несколько конкретных примеров такого рода.

Пословица *Не радуйся нашёд (нашот), не кайся потеряв* и её варианты – *Не радуйся нашёд, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедчи, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедчи, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедиши, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедиши, не плачь, потерявши; Не радуйся – нашёл, не плачь – потеряшь; Не радуйся – нашёл, не тужи – потеряв* – зафиксированы в наших рукописных сборниках с начала XVIII в., включены в знаменитый «Письмовник» Курганова, первое издание которого было в 1769 г., и вошли в собрание В.И. Даля и последующие сборники русских пословиц. А в 1950–60-е гг. пословица записана на Урале собирателем В.П. Бирюковым (*Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял* [25. С. 21], а позже (в 1967 г.) сибирскими диалектологами в Иркутской области [12. С. 161].

Такого рода примеры убедительно демонстрируют жизненную силу и долговечность устной традиции, не вытесненной ни книжной культурой, ни телевидением, ни Интернетом. А может быть, даже наоборот – не вытесненной, а усиленной этими новыми средствами массовой информации, на что указывает популярность такого жанра интернетных «приколов», как антипословицы [26].

4. Принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики

Ретроспективный, историко-культурологический комментарий пословиц и поговорок давно уже стал предметом интереса фольклористов, этнографов, паремиологов, а затем и лингвистов. Разработка современной методики историко-этимологического анализа фразеологии [27, 28] открыла перед таким комментированием возможности объективной, научно обоснованной расшифровки внутренней формы фразеологизмов и пословиц. Результаты её были представлены нами и в лингвострановедческих [29], и в функционально-стилистических [30, 31, 32] и в специальных историко-этимологических словарях русской фразеологии [33, 34, 35], а также в ряде популярных публикаций на эту тему [36, 37, 38]. Не случайно поэтому в фундаментальном когнитологическом «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телии [39] именно добытые лингвистическим анализом этимологии русских ФЕ стали стержнем словарных статей, давая информацию для трёх их параметров [40].

Разумеется, в нашей паремиографической трилогии детализированные лингвокультурологические комментарии были бы нецелесо-

образны уже потому, что заняли бы излишне много места: ведь «Большой фразеологический словарь» под ред. В. Н. Телии включил лишь 1 500 русских выражений, в то время как наш трехтомник описывает 155 000 единиц. Тем не менее по мере необходимости мы предлагаем и такую информацию – прежде всего ретроспективно лингвокультурологическую, избегая усложнённых современных когнитологических терминов, не всегда понятных широкому кругу читателя.

Именно поэтому кроме толкований переносного значения в Словаре в случае необходимости приводится и расшифровка образа толкуемого оборота. Нередко такая расшифровка представляет собой более или менее развернутую историко-этимологическую или лингвострановедческую справку, которая даётся под знаком < после отсылки к источникам фиксации поговорки. Отсутствие ссылки на такой источник означает, что комментарий принадлежит составителям данного Словаря. Если в самом источнике содержится такого рода справка, то он приводится в конце всей статьи. При вокабульном гнезде из нескольких поговорок с одним комментируемым компонентом комментарий следует в конце всего гнезда с абзаца. Например:

ДАВИЛКА * **Оказаться в давилках.** *Пск.* Попасть в трудное, безвыходное положение. < **Давилка** – приспособление для ловли белых куропаток [37. С. 115].

КЕРЖАК * **Променять кержаков на лешаков.** *Алт.* Забыть старые традиции, обычаи, правила. СРГА 2, ч. 2, 32. < **Кержак** – старообрядец.

ЗЮЗЯ * **У богача денег – что у зюзи грязи.** *Посл. Ирон.* У богатых – множество денег. < **Зюзя** – свинья [6. С. 80].

ЧЁРТ * **попасть куда как чёрт в рукомойник.** *Народн. Ирон.* Попасть в трудное, безвыходное положение. < Из народной легенды-сказания «Инок в лесу», где бес, которому не удастся искушить отшельника, залезает в рукомойник. [6. С. 65]. Ср. легенду, записанную Онучковым в 1828 г. в поселке Тавда Свердловской обл. «– Как мне его искушить? (думает бес). – Никак не может. Залез в мойницу (т.е. умывальник) [41. Т. 18. С. 206].

Нередко роль таких комментариев играют пояснения семантики диалектизмов, входящих в состав народного сравнения. Такого рода исторические, этнографические, мифологические или общекульту-

рологические комментарии даются в конце словарной статьи. Цель таких комментариев – отразить по мере возможности национальную специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения. Вот почему в какой-то мере Словарь можно рассматривать и как мозаичную языковую картину русского образного мира в его исторической ретроспективе. Образы описываемых поговорок при этом становятся камешками мозаики, из которых такая картина складывается.

5. Принцип комплексного описания вокабул

Этот принцип также является следствием последовательного воплощения ларинского принципа полноты и предполагает системную характеристику каждого описываемого слова.

Большинство включённых в наши словари единиц описывается по единой последовательной и детализированной композиции:

- 1) вокабульное выражение;
- 2) стилистическая характеристика (употребительность, сфера распространения, экспрессивно-стилистическая квалификация);
- 3) точное и полное толкование значения;
- 4) точная паспортизация источника;
- 5) объяснение истории и этимологии, толкование непонятных (особенно диалектных, иноязычных или жаргонных) слов, входящих в пословицу или поговорку.

Такая структура словарной статьи позволяет, с одной стороны, сделать описание пословиц и поговорок системным и комплексным, с другой – представить языковую и культурологическую специфику каждой из них. Одна из основных задач этой книги – максимально дифференцировать такое описание. Ведь чуткий «потребитель» языка ощущает, что за любыми синонимическими оборотами обычно таится лишь мнимое «тождествословие».

Многие пословицы и поговорки (особенно поговорки и сравнения) в наших словарях дифференцируются и по сфере употребления, и по частотности, и по стилистической принадлежности. Такая дифференциация осуществляется с помощью помет – *книжн.*, *народн.*, *прост.*, *жарг.*; *устар.*, *нов.*; *шутл.*, *ирон.*, *вульг.* и т. п., которые известны читателю по толковым и другим словарям. Экспрессивно-стилистическая градуировка поговорок и усложненность их семантики, отразить которые пытались составители, уходят своими корнями в традиционную группировку их образов. Наблюдения за ком-

понентами пословиц и поговорок «по вертикали» показывают различные закономерности формирования образности для предметных лексем, паремий, основанных на метафорике животного мира, и т. п. Не всегда описываемые в словаре языковые единицы (особенно устаревшие, народные, жаргонные) соответствуют современным бытовым представлениям о каком-л. предмете, веществе или явлении.

Принцип комплексного описания позволил, как кажется, и более дифференцированно подойти к дефиниции пословиц и поговорок. Их толкование – одна из наиболее трудных теоретических и практических проблем лексикографии. Мы стремились избежать упрощенных дефиниций, но в то же время отказывались и от излишне дробного и детализированного толкования. Главной задачей дефиниции является максимальное прояснение семантики оборота и его конкретная привязка к характеризуемому человеку, предмету, явлению или ситуации. Некоторые грамматические характеристики поговорок, отраженные в вокабульной части словарной статьи, при этом в дефиниции традиционно опускаются – как для краткости изложения, так и потому, что они понятны читателю. Так, для большей части глагольной фразеологии через косую черту характеризуются видовые пары глаголов.

Как бы ни полна была коллекция русских пословиц и поговорок, которую мы предложили читателю, она, разумеется, не исчерпывает всего богатства образных средств нашей речи. И не только потому, что какие-либо источники мы не смогли использовать, а из каких-либо диалектных, жаргонных, литературных словарей или паремиологических сборников не выбрали весь материал, относящийся к пословично-поговорочной теме. Не полна наша коллекция в первую очередь потому, что живая русская речь постоянно производит новые и новые образные и экспрессивные выражения и их оригинальные варианты. Как бы ни стремились составители словарей их зафиксировать, свободное Слово всегда опережает и будет опережать возможности его фиксации. Ведь, по словам А.С. Пушкина, «разум неистощим в соображении понятий, как неистощим язык в соединении слов». Эта неистощимость соединения слов и есть основа его образной энергетики, его вечной жизни. И мы, лексикографы, имеем счастливую возможность не только наблюдать за вечной жизнью слова, но и увековечивать её различные этапы. Посвящая этому всю

свою жизнь. Как это делает профессор Томского университета Ольга Иосифовна Блинова.

Литература

1. *Полный словарь сибирского говора* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1992. – Т. 1: А–З. – 287 с.; 1993. Т. 2: И–О. – 302 с.; 1995. Т. 3: П–Р. – 224 с.; 1995. Т. 4: С–Я. – 285 с.
2. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–21. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ / СПбГУ, 1967–2009.
3. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
4. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
5. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
6. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: Худож. лит. 1957. – 992 с.
7. *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. – СПб.: Норинт, 2001. – 176 с.
8. *Ройзензон Л.И., Хазова Л.Н.* Материалы к диалектному фразеологическому словарю народных говоров Нижнедевицкого района Воронежской области // Вопросы фразеологии VI. – Самарканд, 1971. – С. 290–306.
9. *Ройзензон Л.И., Андреева Л.А.* Словарь русской диалектной фразеологии Олонского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. – Вып. 6. – Самарканд, 1972. – С. 114–204.
10. *Ройзензон Л.И., Балясников А.В.* Словарь диалектной фразеологии деревни Коты Оёкского района Иркутской области // Вопросы фразеологии. – Вып. 6. – Самарканд, 1972. – С. 325–341.
11. *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири* / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1972. – 207 с.
12. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.
13. *Прокошева К.Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. – Пермь: Перм. пед. ин-т 1972. – 114 с.
14. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – 432 с.
15. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. – 312 с.
16. *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* / сост. Н.А. Ставшина. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1: А–М. – 416 с.; Т. 2: Н–Я. – 420 с.
17. *Словарь образных слов и выражений народного говора* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 208 с.

18. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. – 2-е изд. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.
19. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 230 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.
21. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. – Л.(СПб.): Наука, 1984–2004.
22. Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) / под ред. О.С. Мжельской. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004; Вып. 2. – 2006; Вып. 3. – 2010.
23. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 232 с.
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1–3. – СПб., 1893–1912.
25. Бирюков В.П. Крылатые слова на Урале / собрал и сост. В.П. Бирюков. – Свердловск, 1960. – 117 с.
26. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005. – 578 с.
27. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980. – 207 с.
28. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2-е изд. – М., 1989. – 287 с.
29. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1990. – 222 с.
30. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари, 1997. – 864 с.;
31. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: 2-е изд. – М.: Рус. сл.: Астрель, 2001. – 855 с.
32. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – 3-е изд. – М.: Рус. словари: Астрель, 2005. – 855 с.
33. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
34. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. – 2-е изд., испр. / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
35. Бирях А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Ист.-этимол. словарь. Ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926. [2] с.
36. Мокиенко В.М. Вглубь поговорки. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с.; 2-е изд. Киев: Радянська школа, 1989. – 221 с.; 3-е изд. – СПб.: ИД «МиМ»: «Паритет», 1999. – 221 с.; 4-е изд. – СПб.: Авалон: «Азбука-классика», 2005. – 256 с.; 5-е изд. – СПб.: Авалон: «Азбука-классика», 2008. – 256 с.
37. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – М.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
38. Мокиенко В.М. От Авося до Ятя. – СПб.: Изд-во СПбГУ ун-та, 1998. – 491 с.

39. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

40. *Мокиенко В.М.* Культурно значимые смыслы фразеологических единиц как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией проф. В.Н. Телия) // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телии. – Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. – Москва; Тула, 2010. – С. 224–231.

41. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1–41. – Л.(СПб.), 1965–2007. (Издание продолжается).

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК: 801.3

А.С. Савенко

МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются информативные возможности мотивационно-сопоставительного словаря русского и английского языков как словаря нового типа. Данный словарь не только служит источником для изучения ряда лексикологических и лексикографических проблем, но также позволяет рассмотреть лексические единицы сопоставляемых языков с точки зрения лингвокультурной информации, которая содержится во внутренней форме слова и наборе мотивировочных признаков наименований растений.

Ключевые слова: сопоставительная мотивология, лексикография, мотивационно-сопоставительный анализ, лингвокультурологический аспект.

Назначение мотивационно-сопоставительного словаря – представить мотивированную, полумотивированную и немотивированную лексику в систематизированном виде, дать широкую информацию о мотивированных лексических единицах, благодаря которой можно будет выявить особенности внутренней формы слова, ее компонентов, типов мотивированности, видов внутренней формы слова (ВФС) и т.д.

Опубликованный «Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы» [1] включает 400 словарных статей. В словарную статью входят следующие компоненты:

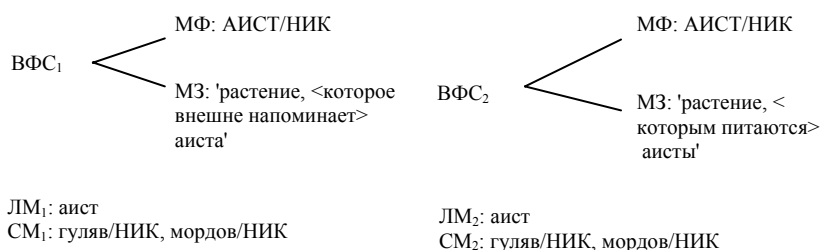
1. Латинское наименование растений с переводом.
2. Заглавное слово.
3. Толкование лексического значения слова, которое является интегральным компонентом по отношению к ВФС (как русского, так и английского), основанием для их сравнения.
4. Результаты психолингвистического эксперимента.
5. Указание на мотивированность / немотивированность лексической единицы.

При *мотивированном* слове даются:

а) лексические (ЛМ) и структурные мотиваторы (СМ) согласно результатам психолингвистического эксперимента (*лексический мотиватор* – «это мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове лексическую мотивированность, связанную с выражением мотивировочного признака» [2. С. 29]; *структурный мотиватор* – «это мотивирующее слово, выявляющее в мотивируемом им слове структурную мотивированность, связанную с выражением классификационного признака» [Там же]);

б) ВФС, состоящая из мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ);

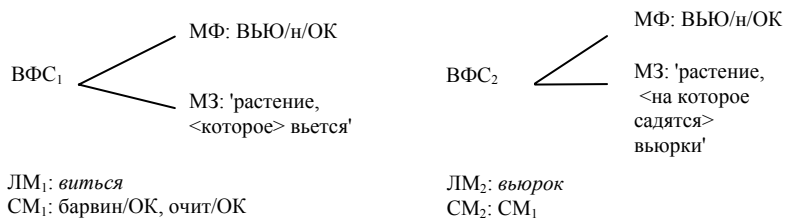
Например, АИСТНИК:

6. Указание на вид ВФС (вариантная / вариативная / невариантная, лексикализованная / нелексикализованная, метафорическая / неметафорическая).

7. Мотивировочный (МП) и номинационный признаки (НП), которые могут совпадать, если у них одно и то же словесное выражение, и различаться, если НП выражен метафорически.

Например, ВЬЮНОК:

ВФС вариантная, нелексикализованная, ВФС₁ метафорическая, ВФС₂ неметафорическая
МП: виться, вьюрок (НП: вьющееся растение).

8. Фитонимическая справка, в которой представлены один или несколько комментариев как специалистов-ботаников, так и любителей растений. Подобные справки указывают на признаки номинации растений. Фитонимические справки даются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данные психолингвистического эксперимента, полученные от рядовых носителей языка: в одних случаях они их подтверждают, в других – дополняют признаки номинации птиц/растений.

Например, англ. FOX-GLOVE (наперстянка). Фитонимическая справка: «The plants produce alternating, ovate to oblong leaves toward the lower part of the stem, which is capped by a tall, one-sided cluster of pendulous, bell-shaped flowers» («Растения имеют чередующиеся, овальной и продолговатой формы листья у нижней части корня, стебель увенчан высоким, односторонним пучком висячих цветов в форме колокольчика») [3. Р. 914].

9. Этимологическая справка о сопоставляемых словах, необходимая для определения процессов ремотивации, демотивации или для подтверждения того, что синхронная мотивированность данной лексической единицы совпадает с диахронной.

Например, англ. DAYSI (маргаритка). Этимологическая справка: др.-англ. *dages eage* ‘глаз дня’; растение получило свое название за то, что закрывается желтый цветок (круг) вечером и открывается утром [4. С. 312].

Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков служит источником для изучения ряда лексикологических и лексикографических проблем. Прежде всего, такой словарь дает большую фактическую базу для становления и развития теории мотивации слов в разных аспектах: в аспекте выявления степени мотивированности языковых единиц русского и английского языков, определения уровня осознания лексической и структурной мотивированности носителями сопоставляемых языков, а также типов соотношения лексических единиц с точки зрения их мотивированности, толкования мотивационной формы и мотивационного значения, выявления лексических процессов – ремотивации, демотивации, лексикализации ВФС, соотношения мотивировочного и номинационного признаков, воздействия мотивированности слова, его внутренней формы на различные компоненты слова как в русском языке, так и в английском.

Мотивационно-сопоставительный словарь дает систематизированное представление о каждой лексической единице русского и английского языков. Словарная статья мотивационно-сопоставительного словаря содержит результаты, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, которые предоставляют важный материал для определения мотивационной формы слова и толкования его мотивационного значения. По результатам психолингвистического эксперимента выявляется мотивировочный признак лексической единицы, который отличается или совпадает с номинационным признаком.

Данный словарь служит источником не только для изучения ряда лексикологических и лексикографических проблем, но также позволяет рассмотреть лексические единицы сопоставляемых языков с точки зрения лингвокультурной информации, которая содержится во внутренней форме слова и наборе мотивировочных признаков наименований растений. Сопоставление мотивированных фитонимов позволяет определить, какие особенности национального характера и национальной культуры конкретного этноса выражены в мотивировочных признаках и внутренней форме данных наименований.

Поскольку основополагающими принципами современной научной парадигмы объявляются антропоцентризм и функционализм, то изучение фрагментов языковой картины мира является актуальным и объясняется возросшим вниманием лингвистов к тем свойствам языка, которые характеризуют индивидуальное проявление языковой личности, отражают особенности восприятия, интерпретации и концептуализации окружающего мира человеком. Миропонимание и миропонимание того или иного языкового сообщества отражаются и выявляются в присущей только ему языковой картине мира, которая представляет собой продукт мыслительной деятельности человека, результат взаимодействия мышления, реальной действительности и языка.

Действительность в системе языка отражается опосредованно — через сознание говорящих людей. Именно в этом видится специфика отражения действительности в языке, доказательством чего являются различия между лексическими системами разных языков, отражающих по большей части ту же самую действительность.

Согласно А.Й. Гудавичусу, познание человеком действительности носит интернациональный характер, в нем нет каких-либо на-

циональных ограничений. «При фиксации результатов познания в языке... происходит некоторое «упрощение» познания, так как в единицах языка отражается не полный его результат, не все признаки образовавшегося понятия» [5. С. 40]. Результат такого «упрощения» действительности – универсальные по своей природе семы, индивидуальность комбинаций которых в каждом из языков создает национальный характер их значений. «Специфика лексических систем языков... обусловлена той же реальной действительностью – материальными и общественными условиями жизни говорящего народа» [5. С. 41].

Мотивологический уровень исследования языка является благоприятной почвой для анализа национальной специфики языка, поскольку сама природа мотивированного слова непосредственным образом связана с языковым сознанием его носителей.

Особенности наименований растений таковы, что они обнаруживают непосредственную связь, во-первых, с предметно-познавательной деятельностью человека, а во-вторых, с социокультурным своеобразием жизни языкового коллектива и его этнографическими особенностями.

В соответствии с указанной спецификой исследуемого материала лингвокультурологический аспект мотивационно-сопоставительного анализа проводится в следующих направлениях:

1. Посредством определения набора мотивировочных признаков для тематической группы сопоставляемых языков выявляются особенности восприятия окружающей действительности носителями языка в процессе предметно-познавательной деятельности. Конечный результат такого направления исследования – установление способов семантического членения концептуальной модели мира, т.е. специфики формирования национальной языковой картины мира как отражения национального миропонимания.

2. В исследуемом материале выделяются наименования растений, обладающие выраженным национально-культурным своеобразием, что позволяет проследить, какие особенности национального характера и национальной культуры конкретного этноса выражены в МП данных наименований. В результате этого анализа определяются те сферы национальной культуры, которые наиболее широко представлены в названиях биологических объектов русского и англ-

лийского языков, а значит, являются наиболее значимыми для каждой языковой общности.

При мотивационно-сопоставительном анализе в лингвокультурологическом аспекте выделяются отличительные черты фитонимической лексики сопоставляемых языков, связанные со спецификой национальной культуры и психологии.

Осуществление мотивационно-сопоставительного анализа в этнолингвистическом аспекте предполагает «изучение способов членения национальным языковым сознанием семантических континуумов названий растений как фрагмента языковой картины мира» [6. С. 196]. Эти способы определяются тем, какие понятийные сферы привлекаются для обозначения растений в русском и английском языках, какие образы и понятия закреплены в их внутренних формах, по каким направлениям осуществляется мотивация лексики. В результате этнолингвистического мотивационно-сопоставительного анализа выявляются те семантические сферы, которые участвуют в мотивационной интерпретации окружающей действительности.

Анализ, проведенный на материале русского и английского языков, показал, что мотивация фитонимической лексики подчиняется жесткой закономерности и осуществляется в определенных направлениях, каждое из которых связывает наименования растений с определенной семантической сферой. Это, по-видимому, связано с тем, что концептуальная модель мира в этих наименованиях характеризуется сходством, поскольку наименования растений универсальны для обоих языков. Однако форма выражения названий фитонимов различна, что объясняется отличием национальных языковых картин мира.

Мотивационная интерпретация наименований растений русского и английского языков осуществляется по следующим семантическим направлениям (классификация взята из работы [6. С. 197–198]):

1) растение – биофакт (животное, насекомое): *аистник, блошница, волчник, воробейник, козелец, козлобородник, лебеда, лисохвост, ослинник; adder's-tongue, cow-parsnip, fleabane, foxtail, hawkweed, mouse-ear, wolf's-bane*;

2) растение – биофакт (объект или явление природы): *звездовик, звездчатка, зимолобка, майник, морозник, солнцезвет, подсолнечник, песколюбка; earth-star, evening primrose, ground-sel, rock-rose, sundew, sun-flower, sun-rose, snow-flake*;

3) растение – признак человека или животного: *белоус, бес-смертник, бородавка, зубянка, икотник, лапчатка, недотрога, ноготки, пулавка; dead man's-finger, five-finger, liverwort, lungwort, smartweed;*

4) растение – конкретная деятельность человека: *борец, гулявник, дремлик, дрема, купальница, купена, ковыль, трясунка; catchfly, dithering, self-heal;*

5) растение – социальный статус или социальная функция человека: *мать-и-мачеха; motherwort, saint-John's-wort;*

6) растение – артефакт: *дудник, копеечник, колокольчик, кувшинка, ластовень, манжетка, погребок, сабельник, шпажник, щитовник; bottlebrush, golden-locks, lady's-mantle, pipewort, pennycress, rocket, rattle-box;*

7) растение – цвет: *багряник, белена, белоцветник, воронец, горюцет, златоцвет, золотарник, синеголовник, чернокорень, чернушка; golden-cup, golden-feather, goldenrod, aye-green, black-thorn, blue-bell, redbud, yellow-seed.*

Количественный анализ наполнения этих групп показал, что, несмотря на относительную однородность распределения русских и английских наименований растений по семантическим зонам, каждый из сопоставляемых языков проявляет свои особенности.

В качестве отличительной черты русского языка можно отметить большую тенденцию к отражению в названиях растений конкретной деятельности человека. В сознании носителей русского и английского языков растения почти не ассоциируются с социальным статусом или социальной функцией человека. Другой особенностью фитонимической лексики сопоставляемых языков является наличие большого числа наименований, в той или иной степени отражающих представления о человеке, его признаках и деятельности. Результаты этнолингвистического анализа показывают высокую степень антропоморфизма лексики русского и английского языков, где наибольшее число наименований связано с физическими признаками человека, его свойствами и деятельностью.

Изучение роли внутренней формы слова в создании фрагмента языковой картины мира на материале двух или нескольких языков позволяет исследователю сопоставить и выявить яркие и неожиданные контрасты, а также определить отдельные тенденции, связанные с обычными для каждого языкового коллектива ассоциациями.

Например, метафорический, вариантный характер ВФ наименования растения *lady's bedstraw* (*подмаренник*) в английском языке позволяет получить информацию о фитониме. По результатам психолингвистического эксперимента носители английского языка так или иначе вычленяли лексические мотиваторы слова (где *lady* – леди, *bed* – кровать, *straw* – солома) и трактовали ВФ как ‘солома <для> кровати леди’, ‘<растение, как-то связанное с> кроватью леди’, ‘<растение, которое используют лишь благородные> леди’ и т.д. При восприятии растения носители английского языка все-таки не могли объяснить, почему слово получило такое название. Некоторые из информантов лишь делали догадки относительно того, что название древнее. В справочной литературе находим следующее: «Англичане окрестили *весьма вычурно*: *lady's bedstraw*, что буквально означает «сено для набивки постели леди». Этой душистой травой в старину набивали матрасы» [7. С. 100].

Носители русского языка выделяют только один признак, характеризуя *подмаренник* как ‘<растение, растущее> под маром’. В фитонимической литературе *подмаренник* описывается так: «Эта трава-лежебока, поднимающаяся лишь с посторонней помощью... Пышной пеной взбирается такая заросль, никакой прогалины под ней не увидишь. Вот и называют ее трава-устели-землю... Относится к семейству *мареновых*» [8. С. 315]. Если носители английского языка выделяют МП, связанный с использованием растения, то носители русского языка – МП, связанный с местом обитания.

Невариантный характер ВФ наименования растения *иван-чай* позволяет получить иную информацию (в данном случае МП английского и русского наименования меняются на противоположные). Носители русского языка в качестве характерного признака выделяют следующий – «чай, который пьет Иван», объясняя такое толкование ВФ тем, что из листьев этого растения заваривают чай. Первая часть наименования каким-то образом, по мнению информантов, связана с собственным именем Иван. Известно, что «свое название иван-чай получил за то, что его высушенные листья можно заваривать как чай» [8. С. 46]. «Листья иван-чая использовались купцами для подделки настоящего чая, для добавки к нему. Это лишь объяснение второй части названия. А первая? Вслушайтесь, как еще звучит иван-чай! Чай-Иван, Иванова трава, Иван-трава и, наконец, ива-трава. В самом деле, листья у этой травы совсем как у многих *ив*:

узкие, длинные, остроконечные. Звучит сравнение с ивой и в других языках: во французском *osier de St.Antoine* (ива святого Антуана)» [9. С. 178].

Носителями английского языка выделяется МП, связанный с местом произрастания растения: *fireweed* (где *fire* – огонь, пожар, *weed* – трава), ВФС: ‘трава, <растущая в лесах после> пожара’. И действительно, «это один из первых поселенцев залежных земель и участков леса после пожара, поэтому в Северной Америке иван-чай известен как «пожарная трава» (*fireweed*)» [8. С. 179].

Рассмотрение лингвокультурологического аспекта возможно и через национально-культурный компонент значения – «все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [10. С. 173]. В мотивологическом исследовании следует говорить о национально-культурном компоненте мотивационного значения, так как основа наименования находит отражение в мотивировочном признаке слова, который является частью его мотивационного значения.

По результатам лингвокультурологического анализа мотивировочных признаков соотносительных наименований двух языков было выделено несколько групп лексических единиц, отражающих культурно-национальные особенности каждого этноса.

1. В МП закрепляются образы тех реалий, которые отсутствуют в культурном пространстве другого языкового коллектива:

а) названия растений, связанные с именами собственными: рус. – *василисник, василек, вероника, иван-чай, иван-да-марья, маргаритка, петрушка, ромашка, тимофеевка*, англ. – *angelica, marigold, veronica*;

б) названия растений, связанные со специфическими предметами или атрибутами национальной жизни: рус. – *лапотник, копеечник, манжетка*, англ. – *pennycress, pennywort*;

в) названия растений, связанные с историческими реалиями общественной жизни: англ. – *lady's bedstraw, lady's mantle*;

г) названия растений, связанные с элементами духовной и религиозной культуры: рус. – *ладанник, просвирник*, англ. – *archangel, angel's eyes, devil's-guts, devil's-milk, saint-John's-wort, Solomon's seal*.

2. В МП наименований растений отражаются не только национально-культурные особенности нации, но и природные и географические условия ее проживания: *зимлюбка, морозник, подснежник, таволга* (ВФС ‘<растение, растущее на> той Волге’), *калужница*

(ВФС ‘растение, <растущее в> Калуге’), *донник* (ВФС ‘растение, <растущее на> Дону’).

3. В названиях растений носителями каждого из языков закрепляются те образы биологических объектов (растений, насекомых, животных), которые наиболее типичны для ландшафта их территории. Например, рус. – *дубник, льнянка, овсяница, овсюг, клоповник, борщевик*, англ. – *adder's-tongue, toad-flax, hawkweed, ragged robin*.

Несмотря на то, что было проанализировано лишь небольшое количество лексических единиц (200 в русском языке и 200 в английском), можно сделать следующие выводы. Особенность русского и английского языков состоит в том, что в сознании его носителей названия растений чаще всего ассоциируются с биофактами, биологическими объектами (животными, насекомыми), признаками человека или животного. В отличие от английского языка, в русских наименованиях растений, которые были отмечены национально-культурным компонентом, в значительно большей степени получили отражение национальные имена собственные (*василисник, василек, вероника, иван-чай, иван-да-марья, маргаритка, петрушка*). Напротив, в английском языке большое количество лексических единиц характеризуются образами и понятиями, связанными с элементами духовной и религиозной культуры народа.

Литература

1. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: фитонимы. – М.: URSS, 2012. – 192 с.
2. Блинова О.И. Русская мотивология: учебно-метод. пособие. – 2-е изд., переработ. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 46 с.
3. *The New Encyclopadia Britanica*. P.B. Norton, J.J. Esposito. – Chicago: Encyclopadia Britanica, Inc., 1994.
4. Onions C.T, Friedrichsen G.W.S, Burchfield R.W. *The Oxford dictionary of English etymology*. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 1025 p.
5. Гудавичус А.Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. – Вильнюс, 1985. – 175 с.
6. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1999. – 287 с.
7. Головкин Б.Н. О чем говорят названия растений. – М., 1992. – 176 с.
8. Стрижев А.Н. Русское разнотравье: справочник. – М., 1995. – 575 с.
9. Иванова И.В. Что растет вокруг тебя: Определитель растений. – М., 1962. – 96 с.
10. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: (Язык и картина мира). – М., 1988. – С. 172–184.

Л.Г. Самотик

«ЧУЖДОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале академического «Словаря русского языка» и «Словаря пассивного словарного состава русского языка» делаются выводы о количественном соотношении лексики всего словарного запаса языка и его пассивного состава. Рассматриваются две составляющие пассивного состава языка: экзотизмы и диалектизмы как обозначающие «чуждое» и «чужое» в языке. Через них показано своеобразие репрезентации национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: пассивный словарный состав, диалектизмы, экзотизмы, языковая картина мира.

В языке любого народа, как в зеркале, отражается окружающая его действительность. Она фиксируется в национальном сознании посредством языка. В связи с этим возникает проблема изучения языковой картины мира, имеющая давнюю традицию. Еще со времен В. фон Гумбольдта стали говорить «о языке как деятельности «народного духа», о различиях языков с точки зрения их «мировидения» [1].

В отечественной лингвистике (В.В. Иванов, С.М. Толстая, А.П. Журавлев; Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.Д. Шмелев; Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складневская, В.Н. Телия и др.) активно исследуются особенности национальной русской ментальности. «Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящейся в категориях и формах родного языка» [2. С. 14].

Русисты изучают языковую картину мира через разные уровни языка, но чаще всего эти работы связаны с лексикой. При этом описание возможно по нескольким линиям: через особые ментальные слова, репрезентирующие национальные концепты; через слова, демонстрирующие особенности русского понятийного членения действительности; через слова, обозначающие специфически русские элементы материальной культуры; через так называемые «мелкие» слова (модальные слова, частицы, междометия); через лексическую коннотацию (эмоционально-экспрессивное сознание слов, закреп-

ленное в национальном сознании); через «лакунарность» – отсутствие в языке некоторых концептов, имеющих в других языках; через лексику пассивного словарного состава языка. К последней группе мы и обратимся, рассмотрев экзотизмы и диалектизмы.

Они фиксируются в толковых словарях. Считается, что словарный состав русского литературного языка, отраженный в академических толковых словарях, представляет нам относительно полный набор понятий русского народа. На основе сплошной выборки лексики пассивного словарного состава из МАС [3] нами был составлен «Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие» [4].

Мы отвлекаемся от проблемы литературности этой лексики. В.В. Виноградов говорил: «Вопрос о взаимоотношениях общеписменного языка, разговорного языка интеллигенции и языка литературно-художественных произведений традиционной лингвистике продолжает казаться необыкновенно простым и ясным. Стираются всякие дифференциальные знаки между разными значениями литературности» [5. С. 58].

Экзотизмы – слова, обозначающие явления нерусской действительности. Наличие экзотизмов в языке определяется одной из ведущих антиномий любого социума – «свой – чужой». Если говорить о степени отчуждения, то, очевидно, можно их отнести к категории «чуждости».

К пассивному словарю русского языка относят экзотическую лексику Л.А. Булаховский, В.В. Ванина, А.Н. Гвоздев, А.Е. Супрун, Л.П. Ефремов, К.Н. Ерёмина, Г.Л. Зеленин и др.

Как экзотизмы нами рассматривались слова из МАС с локальной компонентой в значении слова, обозначающей принадлежность явления к нерусской действительности.

В раздел экзотизмов «Словаря пассивного состава...» вошло более тысячи слов (1066). Общий объём МАС с дополнениями – 83 016 слов, таким образом, экзотизмы составляют 1,28% словарного состава литературного языка (нами не включались в эту группы слова, обозначающие единицы флоры и фауны, а также этнонимы). Они представляют собой периферию литературной языковой системы. Подавляющим большинством носителей русского языка данные лексемы понимаются в тексте, но редко используются в быденном общении. Более активны эти элементы в речи русских за пределами

России, на территории национальных субъектов Российской Федерации и в пограничных районах; употребляются они чаще в книжной речи.

Одна из основных тенденций развития лексической системы современности – перераспределение единиц между активным и пассивным словарным запасом литературного языка и смена оценочной стороны значения слов. Передвижение слов из разряда экзотизмов в активное употребление связано с освоением иноязычного лексического значения русским языком, а нового явления – русской действительностью.

Более 50 слов меняют трактовку своего значения в современных толковых словарях в рамках явлений, ранее относимых к «буржуазным, капиталистическим», т.е. к зарубежной действительности, и, соответственно, приобретающих отрицательную коннотацию. Вряд ли можно упрекнуть советских лексикографов в низком уровне профессионализма или в сознательном искажении значения [6], скорее таким образом ими фиксировалось отражение в языке существования «железного занавеса». Естественно, что со сменой экономической и политической ориентации в стране трансформируется и лексическое значение бывших экзотизмов (они «употребляются без идеологического приращения» [7. С. 37]). Часть экзотизмов общекультурного значения в новых словарях также теряет локальную компоненту: *карнавал, каравелла, лаццарони* и др.

На основании подобных фактов мы можем заключить, что активен процесс деэкзотизации языка, корпус зафиксированных в словарях экзотизмов в целом сокращается (однако растёт количество так называемых «внелитературных экзотизмов» в устных формах речи). Вместе с тем основной состав экзотизмов устойчив: с древнерусского периода в русском языке используются слова *магистр, паломник, пилигрим, кумыс*, с XVI в. – *мечеть, адмиралтейство, иезуит*, с XVII в. – *гондола, консул*, с XVIII в. – *маклер, граф*, с XIX в. – *люмпен, магнат, мазурка, мандолина, мандарин* (чиновник), *марсельеза, отель* и др. [8].

Тематическая классификация экзотизмов отражает основные фрагменты действительности, названия которых традиционно не переводятся на русский язык. Такая классификация включает свыше 20 групп (основные из них намечены в известной статье А.Е. Супруна [9]). Для сравнения: в русском литературном языке, согласно

«Тематическому словарю русского языка» [10], включающему около 25 000 слов, в целом до четвёртого уровня деления 302 темы. Состав тематических групп экзотизмов, таким образом, составляет 6,6% тематического разнообразия русского языка.

Наиболее крупные группы экзотизмов составляют обращения (*синьор, сеньор, мисс, эфенди, пан, сэр, фрау* и т.д.), названия верховного правителя, монарха, наследника, высоких чиновников; названия одежды и обуви, денежных единиц, музыкальных инструментов; танцев, песен, певцов, единиц измерения, видов транспорта, воинов, населенных пунктов, жилищ и усадеб, кушаний и напитков, ветров, земледельцев, лошадей, праздников, учебных заведений, высших органов власти.

В русских экзотизмах обозначены далеко не все существующие и существовавшие страны и государства. Это наглядно показывает разницу между научной и наивной картинами мира, научным и обыденным языковым сознанием. Сплошная выборка экзотизмов из МАС даёт представление о том, что такое «мир глазами русского». Хорошо маркирована в исследуемой группе единиц Античность (очевидно, сказалось классическое гимназическое образование) – 144 слова обозначают различные понятия того времени (*авгур, акрополь, амброзия, амфора, гетера, гидра, гриф* и т.д.). Через экзотизмы мы выделяем 21 страну. Неплохо отражены Англия (56 слов), Франция (44 слова), США (32 слова), Испания (23 слова), Италия (24 слова), отдельно Венеция. Индия, Турция, Египет, Польша, Украина, а также Иран, Шотландия, Ирландия, Венгрия и еще 7 стран обозначены малочисленными или единичными словами. Остальные территории и их народы мы различаем плохо. В нерасчлененном виде отражаются в словарях экзотизмы, связанные с народностями Севера (*балок, кухлянка, малица, нарты, хорей, парка* и т.д.), в целом воспринимаем мы народы Средней Азии и Кавказа – отсюда и «люди кавказской национальности», которой нет и никогда не было (ср.: «Неприятель москвичей к приезжим кавказцам достигла пика. Появился термин «лицо кавказской национальности» [11. С. 226]).

В нашем видении мира большое значение имеет религия. Так, 40 русских экзотизмов связаны с католицизмом и протестантизмом (*аббат, викарий* и т.д.); 42 – с мусульманским Востоком, 18 словами обозначен иудаизм, представлены в русском языке и буддизм, и язычество.

Таким образом, в русском языковом сознании посредством экзотизмов выделяются народы традиционного контактирования с русским населением, большое место среди экзотической лексики занимают слова, связанные с традиционными религиями. Нужно сказать, что широко известная толерантность русских проявляется и в относительной «вялости» выделения народов внутри собственного многонационального государства. Н.Г. Чернышевский писал: «Состав лексикона соответствует знаниям народа, свидетельствует о его житейских занятиях и образе жизни, и отчасти о его отношениях с другими народами» [12. С. 288].

Диалектизмы рано осознаются лингвистикой как лексикографическая единица, хотя терминологическое разграничение диалектизмов и диалектной лексики произошло только в 60-е гг. XX в. Они представляют «чужое» (но не «чуждое») в составе литературного языка.

50 слов в МАС имеют территориальные ограничения в использовании, но при этом собственно диалектизмами не являются, скорее их можно отнести к группе регионализмов: *буза* ‘лёгкий хмельной напиток из проса, гречихи, ячменя, распространённый главным образом в Крыму и на Кавказе’; *тимы* ‘в Сибири и на Урале валенки’. Эти слова не имеют пометы *обл.*

В МАС, по нашим подсчётам, включено 728 диалектизмов с пометой «областное». На фоне других видов лексики пассивного словарного состава языка (просторечных элементов – 4432 слова, архаизмов – 4334 слова, историзмов – 1507 слов и даже экзотизмов – 1066 слов) диалектизмы – самая малочисленная группа лексики пассивного словарного состава литературного языка. Они составляют 0,86 % всего корпуса МАС (в котором 83 018 слов) и 6,03% лексики пассивного словарного состава (насчитывающей в совокупности 12 067 слов).

Аналогичные подсчёты были проведены в свое время П.Н. Денисовым и В.Г. Костомаровым по тексту третьего издания словаря С.И. Ожегова [13. С. 112]. Слова с пометой *обл.* составили 1,76% всех стилистически маркированных слов – разговорных, просторечных и областных. По данным Ф.П. Филина, в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 7, буква Н) нейтральные слова соотносятся со стилистически отмеченными в пропорции 75: 25; единицы с пометой *обл.* составляют 3, 41% стилистически отмечен-

ных (просторечных, разговорных, областных, специальных и устаревших) и 0,94% всех слов. Автор подчеркивает значимость подобных подсчетов для русистики: «По-видимому, это соотношение нейтральной основы и стилистически окрашенных пластов характерно для всей письменной разновидности современного литературного языка, хотя, разумеется, следовало бы провести такой подсчет по всем томам ССРЛЯ. <...> Представляется, что нам удалось установить немаловажную закономерность в стилистическом распределении средств современного литературного языка» [14. С. 152, 153]. Наша статистика в целом совпадает с данными Ф.П. Филина; некоторая разница может объясняться различными источниками и разным составом вычленяемой для подсчета лексики.

Материалы МАС свидетельствуют о том, что количество тематических групп областной лексики невелико – 22. Это число относительно, т.к. возможна различная формулировка тем, и это небольшой процент от общего тематического разнообразия русского языка (7%). Тематическая представленность диалектной лексики определяется программами сбора материала. Наиболее полную программу, адаптированную к условиям Сибири, представляют вопросники, составленные диалектологами Томского государственного университета (В.В. Палагиной, О.И. Блиновой и др.), в которых обозначено около 30 тем. Для сравнения: тематический словарь эвенкийского языка включает 31 тему [15]. Можно предположить, что 1 : 10 – общее соотношение тем между устными и письменными языками (формами языка). С другой стороны, мы можем констатировать, что тематически диалектизмы в толковых словарях достаточно полно представляют диалектную лексику русского языка.

Областную лексику можно разделить на три большие группы: слова, связанные с человеком; слова, относящиеся к природе, и такие, которые самостоятельных тем не представляют, их легче объединить по частеречному принципу. В составе тематических групп «Кушанья» (27 слов); «Посуда» (19 слов); «Одежда, обувь» (33 слова); «Семья и родственные связи» (8 слов); «Качества человека, отношения между людьми» (91 слово); «Двор, усадьба» (64 слова), в том числе названия подвала, подполья, лаза и крышки к нему (*погребѣ'ца, поды'збица, твори'ло, голбе'ц, западня', по'дпол*), названия городьбы (*городьба', огоро'жа, огоро'да, загоро'да, запло'т*); «Жилище, домашнее хозяйство» (49 слов), в том числе обозначения

отдельных частей русской печи (*загнётка, хайло', не'бо* и *нёбо, печу'рка, шесто'к*); «Транспорт, дороги» (36 слов), при этом особенно детально в художественных текстах обозначены различные в разных регионах виды лодок (*буда'ра* и *буда'рка, дуб, дубо'к, шала'нда, долблётка, ко'сная лодка, ши'тик* и т.д.); «Охота, рыбалка, дикие животные» (30 слов); «Промыслы» (7 слов); «Палки» (11 слов: *бато'г, герлы'га, дрючо'к, па'ля, подо'г* и т.д.); «Земледелие» (54 слова); «Природные состояния» (23 слова), в составе которых выделяются разнообразные номинации состояния сумрака, полумрака (*марь, на'волочь, мга, су'темь, хмарь*); «Природа (формы земной и водной поверхности)» (74 слова), в этой группе наиболее широко представлены обозначения различных ям, вымоин, водоворотов (*боча'г, водоро'ина, буера'к, верту'н, колове'рть, кругове'рть*), бурелома (*крепь, вертова'л, кочка'рник, коло'дник*), болотистых мест (*ля'да, ляди'на, чару'са, марь, миша'ра, моча'га*); «Животные домашние» (53 слова), здесь довольно разнообразны наименования, связанные с курицей (*кво'чка, курёнок, цыпля'тница, ко'чет, кочети'ный, кур, кла'сться, наше'ст, наше'сть, шесто'к*); «Лес» (26 слов). В числе прочих групп – «Слова, обозначающие отдельные предметы» (12 слов), «Наречия» (39 слов); «Глаголы» (44 слова); «Непредметные существительные» (17 слов); «Прилагательные» (8 слов); «Звукоподражания» (3 слова).

Из обозначений родственных отношений детализируются *отец* и *брат*. Как особая тематическая группа выделяется *лес* (не поле, не степь и т.п.). В разных тематических группах (одежда, погода и т.д.) явно превалируют слова, характеризующие *зиму*. Относительная многочисленность названий *подвала* и *подполья* с их частями также связана с необходимостью заготовки продуктов на зиму. Из жилища выделяется *печь*, из двора – *изгороди*. Среди домашних животных наиболее разнообразны номинации не коровы, как ожидалось бы, а *курицы*. Особенно охотно авторы обозначают диалектизмами *ямы, вымоины, водовороты, болотистые места*; широко представлены различные виды *лодок*. Это свидетельствует об аквацентризме русского сознания. Выше отмечалось, что писатели активно используют диалектные обозначения сумрака, полумрака. Интересно, что востребованными в беллетристике оказались слова, обозначающие палки, мешки разного назначения (*киса', коше'ль, турсу'к, хребту'г,*

чува'л), верёвки, подвязывающие штаны (*подпоя'ска, гайта'н, га'шник*), которые в текстах являются художественной деталью.

В МАС представлены противопоставленные диалектизмы: волк – *брю'к*, квашня – *дежа'*, *бура'к* – свёкла, *рога'ч* – ухват, *ча'пельник* – сковородник, они никак специально не оговорены. Есть семантические диалектизмы: *белый* 'чистый', *благой* 'сумасбродный', *болван* 'обрубок дерева', *балда* 'нарост', *выпасть* – о реке (ср. 'впадать'), *вырезать* 'загрызть', *грабить* 'грести (граблями)', *ветрянкa* 'мельница' и т.д. Словообразовательные связи областных слов отражают пары существительное – прилагательное (*буерак* – *буерачный*, *ватага* – *ватажный*); существительное мужского рода – существительное женского рода (*бодун* – *бодунья*, *большак* – *большуха*); существительное – уменьшительно-ласкательное существительное (*будара* – *бударка*), а также утратившие это противопоставление (*батя* – *батька*); глагол и его возвратная форма (*гомозить* – *гомозиться*, *вертать* – *вертаться*); глагол – существительное (*городить* – *городьба*, *выкомуривать* – *выкомурь*) и некоторые другие. Как фонетический диалектизм, очевидно, представлено слово *двои* 'двое', но таковым оно не является, поскольку, в сущности, передаёт «икающее» литературное произношение.

Итак, диалектизмы включены в толковый словарь литературного языка ограниченно, составляя около 1% словника. Тематически они относительно полно отражают диалектную лексику. Состав диалектизмов даёт представление об особенностях народного языкового сознания. Из знакомства с народной речью человек «выносит уважение к идее народности... он усмотрит русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни» [16. С. 90].

Таким образом, через экзотизмы и диалектизмы в русском языке представлена наивная языковая картина мира.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 318 с.
2. Васильев А.Д., Барилевская А.А. Вербализация концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2008. – 140 с.
3. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

4. *Самотик Л.Г.* Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2005. – 424 с.
5. *Виноградов В.В.* Язык литературно-художественного произведения // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М., 1980. – С. 57–98.
6. *Сковородников А.П.* Лексикографическая фиксация идеологически неоднозначных слов как культурно-речевая проблема // Филологические науки. 1998. – № 3. – С. 31–36.
7. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* / под ред. Е.А. Земской. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
8. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1993.
9. *Супрун А.Е.* Экзотическая лексика // Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 50–54.
10. *Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 2000. – 560 с.
11. *Абдуллаев Ч.* Мистерия эпохи заката. – М.: Астрель, 2007. – 317 с.
12. *Лихтенштейн Е.С.* Слово о книге. – М.: Книга, 1984. – 560 с.
13. *Денисов П.Н., Костомаров В.Г.* Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи // Вопросы учебной лексикографии. – М., 1969.
14. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
15. *Кочнева З.И.* Эвенкийско-русский тематический словарь. – Красноярск: Кн. изд-во, 1990. – 128 с.
16. *Шахматов А.А.* К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях // Тр. первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях. – СПб., 1911–1912. – Ч. 2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

ТОМСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА НАЧАЛА XXI в. (2002–2012 гг.)

В 2002 г. первый номер «Сибирского филологического журнала» открыла статья «Томской диалектной лексикографии 50 лет» [1. С. 5–10]. Статья была приурочена к 85-летию Томской диалектологической школы, одному из ее продуктивных направлений – лексикографическому. Десять лет спустя подводятся итоги словарной деятельности Томской школы, которые посвящаются грядущему юбилею филологического факультета Томского государственного университета, его 95-летию.

В истекший период особенно значимы результаты в области словаростроения, где получили продолжение сложившиеся традиции школы: совершенствование структуры словаря и словарных статей в рамках словарей традиционных типов; создание новых типов словарей; последовательная реализация комплексной лексикографической параметризации языка разных объектов (диалектной группировки, отдельного говора, одной языковой личности); широкий спектр лексикографируемых форм языка (диалектный, литературный, детская речь); привлечение других языков (славянских, индоевропейских, тюркских).

В прошедшее десятилетие созданы и опубликованы разные типы словарей: полные и дифференциальные, словари языка и языковой личности, аспектные словари (тематические, мотивационные, мотивационно-сопоставительные), толковые и лингвокультурологические, прямые и обратные, терминологические, этимолого-орфографические, биографические.

Первая группа словарей составлена на диалектном материале – русских старожильческих говоров Среднего Приобья, изучаемых многопланово начиная с 1946 г. В прошедшее десятилетие продолжалось осуществление проекта комплексной лексикографической параметризации двух объектов: диалектной группировки и вершининского говора.

По данным диалектной группировки составлено 3 словаря из 5 томов. В их числе: 2 словаря нового типа – **толковые тематические** словари: «Словарь фитонимов Среднего Приобья» [2. Т. 1–3] и «Словарь названий частей растений: Говоры Среднего Приобья» [3] (авт.-сост. В.Г. Арьянова). Трехтомный словарь включает 3780 слов и словосочетаний, однотомник – около 500 словарных статей. «Словарь фитонимов Среднего Приобья», по мнению его рецензента, замечательный вклад в русскую диалектную лексикографию» [4. С. 132]. Он охватывает все зафиксированные в 50–90-е гг. XX – начала XXI в. названия растений в Среднем Приобье.

Третий словарь – значительно дополненное издание словаря диалектного **просторечия**, содержащего 2030 слов и фразеологизмов экспрессивного слоя диалекта [5]. «Очень Вы меня порадовали словарем, – писал Валентин Распутин. – Угодили так, что и передать трудно. Второй день с удовольствием листаю» [6. С. 57].

Для комплексной лексикографической параметризации второго объекта, вершининского говора, которой предшествовало 9 томов толковых словарей прошлого века, в текущем десятилетии подготовлено 4 разноаспектных словаря из 6-ти томов. Тем самым завершена публикация **толкового** Вершининского словаря **полного** типа с выходом в свет 6-го и 7-го его томов, которые включают 5337 и 4634 лексикографических единиц соответственно; издан Вершининский **инверсариий**. Обратный словарь говора, составленный О.И. Блиновой, содержит 22 946 лексических единиц. Как отмечает И.А. Попов, «Словарь [Вершининский] задуман и выполнен так, что является фундаментальной базой для самых разнородных лексикологических исследований» [6. С. 53].

Вслед за «Вершининским словарем», прямым и обратным, вышли в свет два **аспектных** словаря вершининского говора: **антонимический** и **мотивационный**, представлявшие в лексикографической форме два лексических явления – явление антонимии и явление мотивации слов.

«Словарь антонимов» содержит 2000 противочленов, объединенных в 851 антонимическую пару или антонимический блок [9]. «Богатство языкового материала, тщательная разработка критериев антонимичности диалектных лексических единиц и принципов составления диалектного словаря антонимов, – замечает Л.М. Рай-

ская, – <...> делают первый диалектный словарь антонимов многофункциональным изданием» [10. С. 125].

Двухтомный **мотивационный** словарь (авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко) [11] отражает мотивационные связи лексических единиц говора в структуре словарных статей, количество которых 3528. В словарных статьях ярко обнаружилось явление полисистемности: мотивационные отношения нередко совмещаются с отношениями синонимии, антонимии, варьирования слов.

Таким образом, в первое десятилетие XXI в. посредством лексикографирования одного сибирского говора, одной микросистемы, решены две крупные задачи. Первая: толковый словарь выявил и систематизировал лексико-фразеологический корпус вершининского говора объемом 34 тысячи с лишним слов и фразеологизмов, представив его в прямом алфавитном порядке, а инверсарий расположил его в обратном алфавитном порядке, объединив обе систематизации в одном семитомнике, предоставив исследователю уникальную возможность для научных наблюдений (ср. утверждение П.Е. Гриценко: «Полный словарь даже в замыслах уже подвиг» [6. С. 52]).

Вторая: посредством создания двух аспектных словарей – антонимического (2000 антонимов) и мотивационного (свыше 20 000 мотивационных пар и цепочек) обеспечена возможность глубинного анализа двух лексических явлений – явления антонимии и явления мотивации слов.

Третий объект лексикографирования – диалектная языковая личность в лице жительницы с. Вершинино Веры Прокофьевны Вершининой. Уникальный проект составления **полного толкового** словаря **языковой личности** задуман Е.В. Иванцовой, организован и воплощен ею с помощью 40 составителей 4-томного словаря, отредактирован и представлен широкой научной общественности [12. Т. 1–4]. Публикация «Полного словаря диалектной языковой личности» началась в 2006 г., завершается в 2012 г.

Масштабны объемы словаря: 1-й том включает 6963 словарные статьи, 2-й том – 7026, 3-й том – 5818, 4-й том – около 7000, итого – около 27 000 словарных статей. Высоки его информативные возможности, что многократно подтверждено валом публикаций, посвященных лингвоперсонологическим проблемам с опорой на диалект конкретного представителя русских говоров Сибири – Веры Прокофьевны Вершининой [12. Т. 1. С. 22–24].

В числе этих публикаций «Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила» – словарь лингвокультурологического типа, включающий один из пластов образного фонда идиолекта, 1744 сравнительных оборота [13] (авт.-сост. Е.В. Иванцова). Грядут и другие словари диалектной языковой личности.

Серию **синхронных** словарей завершает «Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. (авт.-сост. Л.А. Захарова, В.В. Палагина и др.) – **толково-исторический** словарь дифференциального типа, созданный на основе опубликованных и рукописных документов, хранящихся в центральных и областных архивах страны. Словарь содержит 3280 слов и фразеологических сочетаний, в числе которых, как отмечает Л.А. Захарова, «большое количество лексических единиц, ранее не отмеченных ни в одном из исторических словарей России» [17. С. 184].

Заклячая краткий обзор диалектных словарей Томской школы (подробнее см. в работах [15. С. 143–156, 182–184; 16. С. 111–115; 17. С. 31–37], следует охарактеризовать словари, выполненные на материале русского литературного языка (с привлечением английского) и детской речи, обратив внимание на фактор преемственности ими типов диалектных словарей. В их числе: «Словарь **образных** слов русского языка» (авт.-сост. О.И. Блинова, Е.А. Юрина) [18], структура словарной статьи которого сходна со словарной статьей «Словаря образных слов и выражений народного говора» (Томск, 2001), и три **мотивационных** словаря, составленных с опорой на «Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья» (Томск, 1982–1983): **мотивационно-сопоставительные** словари наименований птиц и растений русского языка в сопоставлении с английским (авт.-сост. А.С. Савенко) [19, 20] и мотивационный словарь детской речи (авт.-сост. К.В. Гарганеева) [21].

Вышеперечисленные словари включают: образный словарь – более 1500 лексических единиц, мотивационно-сопоставительные 400 словарных статей, мотивационный словарь детской речи – 555 словарных статей.

Следующую, разнородную, группу словарей Томской школы представляют: **терминологический** словарь – «Словарь терминов мотивологии» (свыше 200 слов и словосочетаний) [22], **этимолого-орфографический** – «Этимология и орфография», часть III: Н–П (265 словарных статей) [23], **биографический** – «Томская диалекто-

логическая школа в лицах» (вып. 1 – 34 персоналии, вып. 2 – 32 персоналии) [24].

«Словарь терминов мотивологии» в систематизированном виде предлагает терминологию, отражающую научные понятия всех аспектов мотивологии.

Этимолого-орфографический словарь с привлечением этимологии преследует цель – закрепить навыки правописания, пробудить интерес к языку.

Биографический словарь был задуман как издание, с помощью которого читатель получит сведения об одной из научных лингвистических школ России сквозь призму отдельных ее представителей, круг которых не ограничивается составом кафедры русского языка ТГУ разных лет, а включает коллег из вузов Западной и Восточной Сибири (от Омска до Хабаровска) – выпускников аспирантуры и докторантуры ТГУ, которых объединяют общий объект исследований (русские говоры Сибири), совместная работа при подготовке коллективных лексикографических трудов в прошлом и настоящем. Представленный лексикографический экскурс – отчет о 16 словарях (из 24 словарных томов и выпусков) за истекшие десять лет, с одной стороны, продолжает серию публикаций о деятельности Томской лексикографической школы, с другой – открывает и инициирует появление на страницах нового журнала «творческих отчетов» о достижении в области словарного дела ведущих лексикографов России и зарубежных стран.

Литература

1. Блинова О.И. Томской диалектной лексикографии 50 лет // Сиб. филол. журн. – 2002. – № 1.
2. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / науч. ред. О.И. Блинова. – Томск, 2006. – Т. 1: А–К. – 144 с.; 2007. – Т. 2: Л–Т. – 160 с.; 2008. – Т. 3: У–Я: Словник. – 192 с.
3. Арьянова В.Г. Словарь названий частей растений: Говоры Среднего Приобья / науч. ред. О.И. Блинова. – Томск, 2010–2011. – 246 с.
4. Калиткина Г.В. Рец. на кн.: Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1: А–К. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2007. – № 1.
5. Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / авт.-сост.: Т.Б. Банкава, О.И. Блинова, С.В. Сыпченко; под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2003. – 370 с.
6. Грани научной деятельности проф. О.И. Блиновой / сост.: Т.А. Демешкина, В.Г. Наумов. – Томск, 2010.
7. Вершининский словарь / авт.-сост.: В.Г. Арьянова, Л.А. Захарова и др.; гл. ред. О.И. Блинова. – Томск, 2002. – Т. 6: Р–С; Т. 7: Т–Я.

8. *Вершининский инверсарий* / авт.-сост. О.И. Блинова // *Вершининский словарь*. – Томск, 2002. – Т. 7. – С. 361–516.
9. *Блинова О.И.* Словарь антонимов сибирского говора. – Томск, 2003. – 242 с.
10. *Райская Л.М.* Рец. на кн.: Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 240 с. // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология*. – 2006. – Т. 5, вып. 2.
11. *Мотивационный словарь сибирского говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко. – Томск, 2009. – Т. 1: А–О. – 304 с.; 2010. – Т. 2: П–Я. – 310 с.
12. *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Н.Г. Нестерова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2006. – Т. 1: А–З. – 358 с.; 2007. – Т. 2: И–О. – 338 с.; 2009. – Т. 3: П–Р. 324 с.; 2012. – Т. 4: С–Я (в печати).
13. *Иванцова Е.В.* Идиолектный словарь сравнений сибирского старожилы. – Томск, 2005. – 162 с.
14. *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.* / авт.-сост. Л.А. Захарова, В.В. Палагина, Г.Н. Старикова и др.; ред. Л.А. Захарова, В.В. Палагина. – Томск, 2002. – 338 с.
15. *Томская диалектологическая школа: Ист. очерк* / под. ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2006. – 392 с.
16. *Блинова О.И.* Лаборатория общей и сибирской лексикографии при Томском государственном университете: Итоги 2003–2007 гг. // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. – 2008. – №1 (12).
17. *Демешкина Т.А.* Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. – 2011. – №3 (15).
18. *Словарь образных слов русского языка* / авт.-сост. О.И. Блинова, Е.А. Юрина). – Томск, 2007. – 364 с.
19. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы. – М., 2012. – 200 с.
20. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы. – М., 2012. – 192 с.
21. *Гарганеева К.В.* Мотивационный словарь детской речи / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2007. – 122 с.
22. *Словарь терминов мотивологии* / авт.-сост. О.И. Блинова // Блинова О.И. *Русская мотивология: учеб.-метод. пособие*. – 3-е изд., испр. и доп. – Томск, 2005. – С. 68.
23. *Ольгович С.И.* Этимология и орфография: учеб. пособие. – Томск, 2008. – Ч. 3. – 384 с.
24. *Томская диалектологическая школа в лицах: биограф. словарь* / авт.-сост. О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова и др.; под. ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – Вып. 1. – 150 с.; 2006. – Вып. 2. – 130 с.

О.И. Блинова,
д-р филол. наук, профессор каф. русского языка
Томского государственного университета
E-mail: blinova_11@mail.ru

Т.А. Демешкина,
профессор, д-р филол. наук, зав. каф. русского языка,
декан филологического факультета
Томского государственного университета
E-mail: demeta@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: blinova_11@mail.ru

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru, voloshina_s@mail.tsu.ru

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: ekivancova@yandex.ru

МИХАЙЛОВА Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Томского государственного педагогического университета.

E-mail: filologia@inbox.ru

МОКИЕНКО Валерий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: mokienko40@mail.ru

САВЕНКО Анастасия Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета.

E-mail: saven@mail.ru

САМОТИК Людмила Григорьевна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и культуры речи Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

E-mail: samotiklg@mail.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

THEORY OF LEXICOGRAPHY

P. 6. *Blinova Olga I.*, Tomsk State University. THEORY → DICTIONARY → THEORY → DICTIONARY... In the article the author determines the role of two interrelated phenomena – Theory and Dictionary – which is based on the scientific movement with its theory development and lexicographical implementation. The theory of motivology with its aspects and a number of motivological dictionaries (1000 issues in total) has been chosen for consideration.

In the article the author marks three stages of development of motivology: 1) 1970s; 2) the end of 1970s and 1980s; 3) 1990s till present. Each stage is characterized by the interrelation of Theory and Dictionary which is embodied in the schemes demonstrating the theory development of each stage and their lexicographical implementation. At the same time the content of this or that theory and its aspects are considered, the dictionaries of different types (comparative, functional, terminological) and the information about the concept, type, structure of the dictionaries and dictionary articles are given. Also attention is paid to the system of motivological units and marks that are used in the dictionary.

One of the parts of the study of motivological dictionaries is the development of its source study, research novelty, evolution of the theory of the dictionary. The study of the interrelation and interconnection of the theory of motivology and dictionaries revealed the variety of schemes such as Theory-Dictionary-Theory-Dictionary, Theory-Dictionary-Dictionary-Theory, Dictionary-Theory, Theory-Dictionary, Theory-Dictionary-Theory. The table presented at the end of the article demonstrates one more scheme of the interrelation of Theory and Dictionary when five other motivological dictionaries (the frequency dictionary, the dictionary of lexical motivators, the dictionary of regular formants, the dictionary of the forms of subjective assessment, the motivological dictionary of the Siberian dialect) are compiled on the basis of one dictionary (the motivological dictionary of dialects). The table also demonstrates poly-aspects of the interconnection of the theory of words motivation and lexicography. This interconnection covers all the aspects of motivology: lexicographical, comparative, socio- and age-related, dynamic, functional, and ontological.

The author of the article draws the readers' attention to the high scientific productivity of the interconnection of Theory and Dictionary. Their interconnection and interrelation improve the level of research due to the use of huge material which had lexicographical and sometimes polysystemic processing. The level of lexicographical works with the results of theoretical research is increasing and it leads to the compilation and development of the dictionaries which are already known adding new parameters to them (for example, a motivological and comparative dictionary, a dictionary of figurative words, a dictionary of intensive words).

In the conclusion, the author says that due to the interconnection and interrelation of the motivological Theory and motivological Dictionary a new genre of scientific production has appeared: Dictionary-research which represents new linguistic information, new knowledge.

Keywords: theory, dictionary, interrelation of theory and dictionary, motivology, method of lexicography, conception.

P. 22. *Ivantsova Yekaterina V.*, Tomsk State University. METHODOLOGY ISSUES OF COMPILING A LANGUAGE PERSONALITY DICTIONARY. In the article the basic range of problems connected with compiling an idiolect dictionary is described and the experience of solving them by Tomsk dialectologists, who have finished their work on *The Complete Dictionary of a Language Personality*, is shared.

The main problems of compiling a language personality dictionary are: 1) acquiring speech material necessary and enough to adequately reflect the idiolect discourse. The task of representation of all the language forms the person acquired, including the oral spontaneous speech, can be solved by using the method of including the speaker in the language existence; 2) developing the concept of the dictionary. The optimal way to show the diverse features of idiolexicon is compiling a basic explanatory dictionary of a non-differential type in combination with several aspect dictionaries, complex multi-aspect parameterization of words and idioms; 3) speech material interpretation within the selected conception. The authors of *The Complete Dictionary*...were guided by the following principles: - maximally complete reflection of an idiolect. The given principle is realized in a multi-component structure of dictionary entries describing grammatical, phonetic, lexical features of the idiolect; in the sphere of lexicon semantic, functional, pragmatic characteristics, system connections of units, their use as expressive means of the text, etc. are considered; - tendency to represent the speaker's personality in the dictionary. It is realized in the selection of illustrative materials telling about the speaker's views, values, autobiographical data, and in the inclusion of precedent texts; - differentiation between true data, proved by speech fixation, and reconstructed information, the latter being marked; - interpretation of discourse facts with account for common, specific and unique phenomena (the language system of the Russian language – the system of the Middle Ob old-time inhabitants' dialects, including the Vershininsky dialect, native for the informant – idiolect). Their analysis was supposed to rely on the systemic patterns of each component of the triad, to find the Russian and dialectal features in the described material, to classify the usual and the individual. TO solve these tasks the lexicographers used the data of the literary language dictionaries, Middle Ob dialect dictionaries and *The Vershininsky Dictionary*, a dialect speaker's text corpus, researches on the phenomenon of the Russian and dialect language personality, materials of dialectologists' "aural memory", and method of introspection; - "mild" interpretation of peripheral phenomena with simultaneous classification of complex cases into two possible groups. This principle was applied when defining the lexical meanings of words with separate non-constant semes, when calculating the partially coinciding oblique forms that may represent variants of the head-word, in complex cases when differentiating common and proper nouns, when making combined marks, etc.; - system, uniform (if possible) reflection of homogeneous or interconnected language phenomena. The lexicographers aimed at following the principle, but doing so may mean essential limitations, both subjective and objective.

Keywords: dictionary, language personality, lexicography.

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

P. 47. *Voloshina Svetlana V.*, Tomsk State University. SPEECH GENRE OF AUTOBIOGRAPHICAL STORY AS A FRAGMENT OF ENCYCLOPAEDIA OF SPEECH GENRES. The article describes an innovative type of dictionary – encyclopaedia of speech genres of the Russian language; the problem of its creation has only been stated in modern Russian linguistics, but has not been solved.

On the basis of the analysis of the speech genre of autobiographical story in dialect communication and obtained results the sample of speech genres encyclopaedia entry is proposed:

Autobiographical story (AS) in dialect communication is a comprehensive information-setting speech genre, the oral story of life from birth until the moment of communication (as a rule, provoked).

A typical AS provides information about the year and place of birth, the family, where the speaker was born, parents, family farm, about moving, relocation, the events in his/ her personal life, occupations, children and their fate, and life in present. The author has the right of choice and selection of events for the story of his/ her life.

The texts are characterised not only by the traditional message of facts, but also by additional information to the story of the events of his/ her life, stories about cases, fragments, after which it is not always possible to return to the main narrative.

Chronology of events can be broken; the story of the past events can be replaced by the narrative of life in the present and vice versa. The narrative is by the first person.

The speech genre of AS is structured by concepts “life” and “work”. One of the features of life representation in AS is interpenetration of these two concepts.

Main means, which form the genre, are the personal pronoun “I”, verbs in the past form, most frequent of them is the verb ‘to be born’, and other structures indicating the existence of the person, verbs and constructions that represent activities of human labour for life.

The story of the past events can be conducted by using the verbs in the form of past and present. The means forming the genre are numerals, proper nouns (anthroponymy, toponyms), lexical units that represent names of kinship, units of the lexical-semantic field “education” and “memory”.

AS of men are primarily characterized by greater detail of the story of work, while a smaller part of the narrative is devoted to the family. Women’s AS, are mainly focused on stories of family formation, family, work. Autobiographical stories of women include more evaluative statements and are distinguished by presence of proverbs, folk songs. Male texts contain many facts and place names, dates with year, month, day of an event.

Keywords: encyclopaedia of speech genres, speech genre, autobiographical story, dialects.

P. 57. *Mikhaylova Olga S.* Tomsk State Pedagogical University. On compiling a motivational poetic dictionary.

In researches of linguistic poetics there are pressing questions of theoretical principles of creation of dictionaries of writers’ language, features of creation of electronic authors’ dictionaries, applications of materials of dictionaries of writers in researches on language of fiction, stylistics, linguistic poetics. The motivational aspect of studying of a poetic diction also includes consideration of these points in question. With all the variety of

approaches to the analysis of the role of motivation in individual style (O. Blinova, L. Dubina, O. Mikhaylova, E. Pogudina, etc.) and riches of the investigated material (poetry of O. Mandelshtam, M. Tsvetaeva, N. Rubtsov, S. Yesenin, E. Evtushenko, B. Akhmadulina, A. Voznesensky, etc.) there is no experience of lexicographic description of author's motivational devices, which explains the urgency of the theme of the present research.

In the article a motivational poetic dictionary representing the use of motivation in poetic language itself and the motivational dictionary of one author are considered. The dictionary of the first type gives a chance to study motivation functioning in art text, the dictionary of the second type – to track individuality of word usage of this or that author.

Entries of both dictionaries are built with the support of the system of headings having names of various tropes and poetic figures. In the headings the list of motivationally connected words that urged to reflect the specificity of the poetic use of motivation is given in the alphabetic order. In case with the dictionary of the second type classifying headings into semantic sections ("world around", "person", "lyrical hero") is used in addition, which allows characterizing a substantial orientation of motivational devices and, hence, analysing the individuality of style of this or that author. In an entry the system of stylistic marks, characterizing motivationally connected words as interconnected lexemes is used, which provides the perception of the typical and individual in the construction of motivational devices.

The further detailed study of the concept of the dictionary, first of all, demands construction of a system of motivational devices and creation of a meta-language for the description of each of them, and also a more detailed analysis of functional orientation of methods of motivation use. Problems of definition of sufficient borders of context, answering the question on the priority of functions of motivation, representation form of complex motivational structures (motivational block, stylistic device of association of motivationally connected words, etc.) and many other questions are major when compiling a motivational poetic dictionary.

Keywords: lexical motivation, lexicography, linguistic poetics, stylistics

P. 65. *Mokienko Valeriy M.*, Saint-Petersburg State University. PRINCIPLES OF LARIN'S LEXICOGRAPHY IN THE THREE-VOLUME BIG DICTIONARY OF PROVERBS, SAYINGS AND SIMILES OF THE RUSSIAN LANGUAGE. The article presents the basic principles of dictionaries creation, which were developed by Professor B.A. Larin and his scientific school: the principle of complete glossary, the principle of a comprehensive description of vocables, the principle of accurate certification of the material, the principle of temporal and spatial characteristics of the described units, the principle of historicism. They became a guide to the three-volume *Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian Language* (2008-2010). Its authors are V.M. Mokienko, T.G. Nikitina and E.K. Nikolaeva. The total number of units described in the dictionary is 155 000.

The card file for dictionaries, numbering about 300 000 units, was compiled for over 40 years and is stored in the Inter-chair Vocabulary Room named after B.A. Larin (SPSU). Sources of filing and, accordingly, dictionaries are extracts from the collections of Russian folklore, materials from fiction, fixation of phraseology of mass media, proverbs, and comparisons of literary and idiomatic, dialect and slang dictionaries and card files, material of records of modern speech and answers to questionnaires by a special author program.

1. The principle of lexicographic completeness. The three volumes of the dictionary give a synthetic description of nationwide phraseology of the national language, that is, the lexical corpus includes both folk idioms and literary idioms, including many phrases of international origin.

2. The principle of accurate certification of the material allows localizing each proverb in our dictionaries in time and space.

3. The principle of temporal and spatial characteristics of the described units. Each saying in our dictionary is precisely localized on the map of Russia. The main purpose of such a certification is to give to the reader the most accurate and complete chronological and spatial characteristics of units. Accurate material certification is especially valuable because it allows proving mathematically the "persistence" of folklore of the small genre in space and time.

4. The principle of retrospective linguistic and cultural characteristics. Retrospective linguistic and cultural information is offered in the dictionary as required, and decoding of the interpreted image is given. Frequently, such decoding is detailed historical and etymological or linguistic-cultural information.

5. The principle of comprehensive descriptions of vocables allows approaching the definition of proverbs and sayings more differentially and supposes a system characteristic of each described word. Most of the units in our dictionaries are described by a single coherent and detailed composition: 1) vocable expression, 2) stylistic characteristics (usage, the scope of distribution, the expressive and stylistic qualification), 3) accurate and complete interpretation of the meaning, 4) accurate certification of source, 5) explanation of history and etymology, interpretation (especially of dialect, slang or foreign language) of incomprehensible words in the proverb or saying.

Keywords: lexicography, B.A. Larin, *Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian Language*, principles of dictionary compiling.

DICTIONARIES AS SOURCES OF LINGUISTIC RESEARCH

P. 80. *Savenko Anastasia S.*, Tomsk State Pedagogical University. MOTIVOLOGICAL COMPARATIVE DICTIONARY OF RUSSIAN AND ENGLISH AS A SOURCE OF LINGUO-CULTURAL INFORMATION. The article points to examination of informative possibilities of a motivological comparative dictionary of Russian and English as a new type of dictionary. The purpose of the motivological comparative dictionary is to present motivated, semi-motivated and non-motivated vocabulary in systematic view, to give broad information about motivated lexical units.

The printed *Motivological Comparative Dictionary of Russian and English: Phytonyms* contains 400 entries. The structure of an entry consists of a Latin name of a plant with its translation, a plant name and its lexical meaning, the results of psychological-linguistic experiment, a sign of motivated/ non-motivated lexical unit, motivated and nominated signs, phytonymic and etymological references.

This dictionary is a source for research of lexicological and lexicographic problems. It also allows examining lexical units of the compared languages from linguo-cultural point of view. This information contains in the inside form of a word and in a set of motivated signs of plant names. Comparison of motivated phytonyms allows defining the peculiarities of the national character and national culture of a particular ethnos manifested in motivated signs and in the inside form of these names.

The motivological level of language research is a favourable ground for analysis of national specifics of language as the nature of a motivated word itself is mainly connected with language conscience of speakers.

Names of plants are directly connected with the objective and cognitive speakers' activity and also with social and cultural originality of language community life and its ethnographic peculiarities.

According to the stated peculiarities of plant names, the linguo-cultural aspect of motivological comparative analysis is conducted in the following directions:

1. By means of the exposed set of motivates signs for thematic groups of the compared languages the peculiarities of perception of surroundings by native speakers in the process of objective and cognitive activity have been revealed.

2. The plant names with national and cultural specificity have been singled out in the researched material, which allows tracing the peculiarities of the national character and national culture of a particular ethnos manifested in motivated signs. In the issue of this analysis it is possible to find out the spheres of national culture, which are widely presented in the names of biological objects of Russian and English and, therefore, they are most important for every language community.

In the total of the linguo-cultural aspect of motivological comparative analysis the distinctive features of phytonymic vocabulary of the compared languages connected with the specificity of the national culture and psychology have been marked.

Keywords: comparative motivology, lexicography, motivological comparative analysis, linguo-cultural aspect.

P. 90. *Samotik Ludmila G.*, V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. "ALIEN" AND "STRANGE" IN RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARIES. The aim of the article is to demonstrate the specificity of the national picture of the world through exotic and dialectal words denoting "alien" and "foreign" in the language. The source of their study is *The Dictionary of Passive Vocabulary in the Russian Language* (Krasnoyarsk, 2005) compiled by the author by continuous sampling of the academic *Dictionary of the Russian Language* (DRL). By exotic words units with a local component in the meaning were considered denoting the phenomenon as belonging to the non-Russian reality. They refer to the category of the alien. This part of the Dictionary includes 1066 words, 1.28% of the DRL corpus. They belong to the periphery of the literary language system.

Dictionaries show the processes of de-exotisation of the language: part of exotic words with broad cultural semantics lose their territorial marks, many lexemes of the passive stock enter the active one, some words lose the "ideological connotations" due to the change of the economic and political orientation of the country. The number of exotic words fixed in dictionaries reduces; still, the basic core of exotic words is stable.

The thematic classification of exotic words reflects the general fragments of reality; their names are not traditionally translated into Russian. The most numerous groups of exotisms are addresses, names of the top leader, clothes and footwear, money, musical instruments, etc. By means of exotisms countries and peoples are defined that had contacts with the Russian population (Antiquity, England, France, USA, Spain, Italy are represented broadly, unlike countries of the North, Central Asia and Caucasus).

Many exotic words are connected with traditional religions: Catholicism, Protestantism, Islam, Judaism, etc.

Dialectisms represent the “strange” element in the literary language. The DRL contains 728 dialectisms with a mark “regional”, which is 0.86% of the total of the dictionary. The largest thematic groups are “food”, “dishware”, “clothes and footwear”, “person’s qualities, relations between people”, “house and household”, “yard, manor”, “transport, roads”, etc.

Words describing winter prevail in different thematic groups (clothes, weather, etc.). Numerous dialectisms denoting whirlpools, marshes, boats witness for the aqua-centric of Russian consciousness. Among the elements of nature *forest* and *twilight* stand out; among domestic animals nominations of *the hen*, not the cow, as one may expect, are most diverse. In the house, stove and underground are named, in the yard – fences. Names of sacks, sticks, ropes functioning as belts are numerous; they are used in fiction as artistic details. Dialectisms represent the peculiarities of the folk language consciousness.

Keywords: linguistic picture of the world, dialectisms, exotisms.

Научный журнал

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2012. № 1

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Каишур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 20.12.2012 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,5; усл. печ. л. 6,9; уч.-изд. л. 7,2.

Тираж 500 экз. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатано в типографии ТПУ